

МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ

ДЯЧЕНКО

ПЕЩЕРА

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ

Марина и Сергей Дяченко

Пещера

«Автор»

1998

Дяченко М.

Пещера / М. Дяченко — «Автор», 1998

Жители этого города, вполне похожего на наши города, существуют в двух измерениях. Днем они живут обыденной жизнью, но без жестокости и агрессии; ночью, во сне, они являются в Мир Пещеры, и каждый из них живет зверем, хищником или жертвой, сильным или слабым... Можно ли выпустить человеческого зверя из темной пещеры? И, главное, нужно ли?!

© Дяченко М., 1998

© Автор, 1998

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	24
Глава третья	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина и Сергей Дяченко

Пещера

Глава первая

Она была беспечна.

Уши ее, похожие на половинки большой жемчужной раковины, легко отделяли звуки от отзвуков; шорохи и звон падающих капель отражались от стен, слабели и множились, тонули, угодив в заросли мха, многократно повторялись, ударяясь о стену, звуки были ниточками, заполнявшими пространство Пещеры – сейчас все они были тонкими, редкими и совершенно безопасными. Возились во влажных щелях насекомые, чуть слышно шелестела медленная река, а целым ярусом ниже спаривались два маленьких тхоля. Спокойное дыхание Пещеры; полной тишины здесь не будет никогда. В полной тишине сарна чувствовала бы себя слепой.

Она повела ушами, неторопливо и с удовольствием перебирая ниточки знакомых безопасных звуков; потом вскинула голову и, неслышно переступая копытцами, двинулась вниз, к воде.

Каменный свод здесь терялся в темноте. Мерцающие лишайники не давали света – но светились сами, обозначая стенки и склоны зеленоватыми неровными пятнами. Сарна оставалась равнодушной к диковатому очарованию зала – она слышала воду. Самый прекрасный из известных ей звуков.

И она склонилась над темной поверхностью и первым делом увидела себя – миниатюрного зверька с миндалевидными глазами и настороженными, напряженными ушами на макушке. Переплетение едва уловимых звуков снова уверило ее в безопасности; она успела разглядеть мир по ту сторону водяной пленки – далекое дно, спины рыб, стоящих неподвижно, будто в ожидании, фосфоресцирующие камушки среди обычной гальки, пучки жесткой подводной травы...

Следующим зрелищем была черная морда, состоящая, казалось, из одних только клыкастых челюстей.

Ее слух сообщил об опасности слишком поздно. Хищник умел обманывать звуки; огромное, сливавшееся с камнями тело уже вырвалось из воды и зависло в броске, а ее уши по-прежнему не слышали смерти.

Время, необходимое зверю для убийства, было неизмеримо меньше времени, отпущенного сарне на помыслы о бегстве. Только помыслы, потому что хищник не был ни толстомясым барбаком, ни жадным схрулем.

Хищник был – сааг.

А сааги не промахиваются.

Любая сарна может увидеть саага только раз в жизни.

Но всегда узнает.

Мышцы, ведающие дыханием, успели сократиться.

Выдох...

Прорванная поверхность воды колебалась, и брызги, если бы они были, все еще висели бы в воздухе; но сааги не поднимают брызг.

И никогда не промахиваются.

Этот – промахнулся.

В ту сотую долю секунды, когда челюсти смыкались, копытца сарны скользнули по гладкому камню. И рефлекторно она совершила движение, до которого ее парализованная ужасом головка не додумалась бы никогда. Да просто не успела бы.

Она отшатнулась – и челюсти саага, идеально устроенные орудия для перегрызания шей, сомкнулись не там, где следовало.

И вместо горячей крови в пасть хищнику хлынула густая, пышная, жесткая шерсть ее манишки – а эта сарна была особенно шерстиста.

Доля секунды – она видела прямо перед собой его мутные, бешеные, широко сидящие глаза.

Затем инстинкт, действовавший отдельно от ее желаний, сбросил шерсть. Оставил хищнику, как выкуп. Как жертву. Все сарны умеют клочьями сбрасывать шерсть, и многие из них благодаря этому дольше живут.

Возможно, сааг поперхнулся ее манишкой. Возможно, он просто не поверил в случившееся – любая сарна видит саага только раз, раз в жизни!..

Но спустя мгновение она уже неслась, и звук бьющих о камень копыт метался по Пещере, отражался от стен и указывал беглянке просветы и щели, и потому она ни разу не споткнулась, и не налетела на сталагмит, и не свернула изящную шейку.

Возможно, сааг преследовал ее.

Возможно.

* * *

Павла проснулась и некоторое время тупо смотрела на прямоугольник света, потихоньку сползавший с потолка на стену.

Сердце ее колотилось так, что подпрыгивал нарисованный на одеяле гном. Павла терпеть не могла это одеяло – что за слюнявые инфантильные мотивы, при чем здесь гном, да еще с такой гнусной бородатой рожей. . .

Она всхлипнула. В ушах у нее все еще метался, ударяясь о стены, топот смятенных копыт. Значит, это все-таки СЛУЧИЛОСЬ?

Сердце запрыгало сильнее, но Павла успела накрыть его холодной рукой рассудка. самого страшного как раз НЕ СЛУЧИЛОСЬ. А потому нету светящихся лишайников из смутного сна, а есть только солнечный луч, пошлый гном на одеяле, бормочущее радио на кухне, и – вот, пожалуйста!..

– Павла, вставай!

Голос Стефаны выдает легкую простуду и нарастающее раздражение. Дробный топот – это только кажется, что сотня конников проскакала. На самом деле это Митика гоняет свой мяч, хотя ребенку давно вроде бы надлежит быть в садике. . . И хорошо бы вместе с мячом.

– Павла, вставай!..

Она блаженно улыбнулась.

Сердце успокаивалось. И высыхал холодный пот. Сейчас она вымоется, выпьет кофе и отправится получать очередную выволочку от Раздолбежа. . .

Она засмеялась. В другое время подобная мысль вызвала бы приступ депрессии – но сейчас ей чертовски нравится жить.

– Павла, опоздаешь!..

Грохот. Это Митика опрокинул мячом табуретку, о, ему понравится, он повторит. . .

Так и есть. Грохот. Павла потянулась.

«А вот знали бы вы, – думала она, кромсая в тарелке желтую лепешку омлета. – А вот знали бы вы, что со мной. . . тьфу ты. Негоже все время об этом думать, но если бы вы все – и ты, Стефана, и твой Влай, который уже час как ушел на работу, и ты, Митика, маленький паршивец. . .»

– Павла, у тебя красная заколка к зеленой рубашке?! Ты что, дальтоник?

– Да не заметила я. . .

– Ей-богу, Митику легче научить, чем тебя... Митика, немедленно выбрось муху.
– Так ведь она уже сдохла...
– Тем более выбрось! Павла, поменяй заколку.
– Дай кофе допить...
– Марш-марш, потом допьешь, дел-то на одну минуту... А забудешь, так и пойдешь, безвкусная, как клоун...

– Клоунов не едят, – предположил Митика. – Клоуны вкусные не бывают...

Павла счастливо улыбнулась.

Если бы они знали...

«Если бы все вы знали...» – думала она, надевая туфли перед дверью, где пришпилен был листок с ярким фломастеровым текстом: «Павла! Уходя, выключи утюг, плиту, кофеварку, телевизор! Не забудь часы, бутерброд, кошелек, проездной, пропуск! Проверь, плотно ли прикрыта входная дверь!»

«Если бы вы знали, – напевала она под нос, раскланиваясь в лифте с соседями. – Если бы вы...»

Дворик был залит солнцем. Павла изо всех сил зажмурилась, вглядываясь в красное марево собственных сомкнутых век. «Если бы вы знали... как прекрасна жизнь. И как она тем более прекрасна, если понять, нет, шкурой почуять, какая она тоненькая...»

– Павла!

Стефана свешивалась с балкона, потрясая белым свертком:

– Павла! Легче Митику, ей-богу... На!

Бутерброд в полиэтиленовом пакете грузно шлепнулся на газон. Качнулись садовые ромашки.

Она опоздала минут на двадцать.

На лестничной площадке стоял и курил Сава, оператор с четырнадцатого канала; в другое время Павла прошмыгнула бы мимо, не решаясь заговорить, но сегодня острый вкус к жизни повелел ей остановиться, и улыбка получилась сама собой:

– Привет!

Все, теперь Сава ее запомнит, теперь она перестанет быть для него бледной ассистенткой, которых на всех этажах телецентра хоть пруд пруди. Теперь, возможно, при следующей встрече он сам поздоровается, первый...

Напевая и цокая каблуками, Павла проследовала на рабочее место; секретарша Лора вскинула на нее свирепые глаза:

– Павла!.. Елки-палки, тебя Раздолбеж... Тебя господин Мырель уже... Ты ему интервью расшифровала?

Целых полминуты Павла судорожно пыталась сообразить, о чем идет речь, и успела уже покрыться горячим потом при мысли, что позабыла сделать нечто крайне важное; потом, облегченно вздохнув, шлепнула о стол выдавшим виды «дипломатом»:

– И незачем так орать...

Из-под открывшейся крышки дохнуло ядреным селедочным духом. Мгновение спустя секретарша Лора удивленно повела ноздрями точеного носика; Павла тупо смотрела в недра собственного портфеля.

Сверху, прямо под крышкой, прямо на аккуратной стопочке расшифрованного интервью лежала, закатив мутные глаза, пахучая серо-коричневая селедка. В горестно раскрытой пасти толпились мелкие бессмысленные зубки; Павла медленно закрыла «дипломат». Лора смотрела выжидающе.

Павла вздохнула. Прикрыла глаза, переборола сильнейшее отвращение ко всем детям планеты, к этим совершенно безнаказанным, наглým тиранам, творящим свои безобразия с невинным выражением розовых мордашек. Скрипнула зубами, покосилась на Лору:

– Я сейчас...

Под немигающим удивленным взглядом вышла из комнаты, процокала каблуками к белой дверке с элегантной дамой на вывеске; здесь, воровато оглянувшись, открыла портфель и брезгливо, двумя пальцами, взяла селедку за жесткий хвост.

– Зар-раза малая...

Павла не селедку имела в виду. Павла имела в виду Митику, которому, как обычно, все сойдет с рук.

Некоторое время она стояла посреди хромированного блеска и белого кафеля, покачивая на весу селедкой, как маятником. Потом вздохнула и опустила рыбину на стеклянную полочку под зеркалом – теперь селедок сделалось две, и обе воняли невыносимо.

Под звук спускаемой воды из соседнего помещения выплыла чопорная старушка – заведующая архивом; после мгновенного замешательства последовал взгляд, предназначавшийся одновременно и Павле, и ее селедке. Старушка вышла, не решившись приблизиться к умывальнику; Павла вздохнула, вытащила из портфеля первый лист расшифрованного интервью и тщательно, с мылом, принялась отстирывать селедочное пятно под струей горячей воды.

– ...Скажите, Павла Нимронец, что за странные соображения заставляют меня до сих пор... нормальный человек еще два месяца назад выгнал бы вас в три шеи!

– Я перепечатаю.

– Нет, не надо!.. Я найду человека, который сделает эту работу быстро и наверняка... Вот когда мне понадобится провалить дело, тогда я пришлю вам открытку-приглашение...

Господин Мырель, процветающий режиссер, к которому давно и крепко прилепилась кличка Раздолбеж, желчно скривил губы. Павла молчала; радость жизни померкла, придавленная нагоняем, но стоит выволочке закончиться – и там, за дверью душного кабинета, утреннее настроение вернется опять.

Господин Мырель будто прочитал ее мысли.

– Все с вас скатывается... как с утки вода. Говоришь, говоришь...

Секунду Павла решала, улыбнуться ей или покраснеть. Получилось и то и другое.

– Ладно, Нимронец... До следующего прокола. Следующий крупный прокол будет в вашей карьере последним... Идите в семнадцатую студию, отнесите вот эти кассеты и этот текст... И если на вашем пути встретится буфет, не вздумайте заворачивать в бумаги пирожок!

Посреди семнадцатой студии стоял, широко расставив длинные ноги, оператор Сава. Наушники и микрофон делали его похожим на пилота космического корабля; Сава смотрел в окошко камеры, иногда оборачивался к ассистенту, и тогда через окошко аппаратной Павла могла видеть скуластое серьезное лицо и мужественную прядь, живописно упавшую на лоб.

– Павла... Эй, да Павла же!.. Иди скажи шефу, что эта кассета не подходит...

– Позвони ему – чего мне бегать-то?

– А у тебя что, ноги отвалятся?! Быстренько, туда-сюда, давай... – Второй режиссер, восседающий за огромным пультом, не терпел на работе бездельников. И он давно был уверен, что от Павлы был бы большой прок, если посадить ее в беличье колесо и заставить в нем, в колесе, бегать.

Оператор Сава стянул с головы наушники и повесил их на рукоятку камеры.

Павла улыбнулась. Второй режиссер ни-че-гошеньки не понимает в жизни.

Хорошее настроение вернулось мелодией – джазовым ритмом цокающих по коридору каблуков.

* * *

...Прохладный ветер Пещеры охлаждал ей шею и грудь – на месте сброшенной манишки была теперь большая проплешина. Сарна поводила ушами; в просторном сводчатом зале, пол-

ном сочного мха, паслось небольшое пугливое стадо. Сарна слышала негромкий скрип, производимый ступающими копытами, аппетитный звук разгрызаемой зелени, легкое дыхание двух десятков товарок; чувство опасности жило где-то очень глубоко – воспоминание о страхе, заставляющее нервно подрагивать чуткие напряженные уши.

Ее спутницы были спокойны. Хищники редко нападают на сарн в больших залах; сарна имеет неопределимое преимущество в скорости, она вольна кинуться в любой из множества ходов, нападающий обречен на неудачу...

Кисловатый вкус мха, запах сырости из расщелин, треск крохотного хитинового панциря – пробирается по узкому ходу неуклюжий светящийся жук. Под темными сводами роятся его собратья – причудливый узор мерцающих точек. Но сарне непривычно смотреть вверх – и она опускает морду к редющему мху.

Покончив с едой, стадо переключается в другой зал; мох разрастается мгновенно, он растет тем больше, чем больше его едят...

Старая сарна, отгесненная молодыми товарками к краю, к черной дыре прохода, резко втянула в себя воздух. И этот еле слышный звук, выбившийся из паутины прочих звуков, заставил стадо содрогнуться.

Кисловатый вкус мха растаял на языке; юная сарна дернулась, и холодный ветер лизнул проплешины на ее груди.

Стадо выжидало, напрягая уши-раковины, а пожилая сарна, дрожа всем телом, неподвижно глядела в черный проход. И это сбилось стадо с толку – при малейшей опасности сарна бежит, а если она неподвижна, то опасности нет, есть только возможность, только предчувствие беды...

Предчувствие... Сарна с проплешиной разом вспомнила ужас смерти.

Схруль?

Близко?

По счастью, сааг никогда не нападает на стадо. Сааг не любит тесноты, он выбирает одиноких животных, он никому не дает возможности поглядеть на себя дважды...

И тем неправдоподобнее было следующее мгновение, когда из черного зева вместе с волной воздуха вырвалось черное, гибкое, стремительное тело.

Стадо, пережившее секундный паралич, кинулось врассыпную, но пожилая сарна была обречена.

Она была обречена с самого начала – когда, ощутив саага в темноте коридора, поддавалась оцепенению страха; теперь она тоже хотела бежать, но во время, необходимое ей, чтобы сдвинуться с места, уложились бы целых три саажьих броска. В реакции сааг многократно превосходит любую жертву; пожилой сарне осталось одно мгновение жизни.

Но сааг рассудил иначе.

Спустя секунду пожилая сарна уже бежала, путая ходы, кидаясь в проемы, указанные отзвуком копыт; она жила страхом и потому не понимала еще, что спасена. Безжалостный сааг почему-то бросил легкую, верную, самой судьбой предназначенную жертву.

Зато сарна с проплешиной на груди, улепетывающая в один из боковых коридоров, услышала за спиной характерный звук рассекаемого воздуха. Разрезаемого мощным стремительным зверем.

Три или четыре ее товарки метнулись в боковые ходы – сааг не свернул.

Глухой стук копыт о камень вдруг оборвался – под ноги лег сплошной ковер высохшего прошлогоднего мха; слабого шороха, производимого теперь ее шагами, оказалось мало, чтобы ловить отзвуки и ориентироваться на полном скаку.

Сааг ощутил растерянность жертвы и рывком сократил расстояние.

Сарна неслась почти вслепую, ежесекундно рискуя налететь на стену и разбить себе череп; рано или поздно коридор свернет. Или обернется тупиком, и тогда лучше удариться

о камень, чем умереть на изогнутых саажьих зубах. Ветер бил в обнаженную грудь, и сарне казалось, что на ее шее уже смыкаются костяные орудия убийства.

Удар...

Целую долю секунды она считала себя мертвой. А потом в глаза ударил свет.

То, что преградило ей путь, не было каменной стеной. Логово огненных жуков – тугой мешок с волосяными стенками; жучихи всю жизнь плетут его из упавших шерстинок, чтобы перед смертью отложить яйца. Личинки светящихся жуков не мерцают в темноте – они горят ярко, так, что больно глазам; саажьим глазам, зорким в темноте, больно особенно.

Сарна пробила волосяной мешок, кувыркнулась через голову и снова вскочила на трясущиеся ноги – среди россыпей маслянистых, остро пахнущих звезд. Из поврежденного гнезда лавиной сыпались личинки; Пещерой пронесся рык, исполненный боли и ярости, – и сарна увидела саага вблизи – второй раз в жизни.

Мгновение.

Морда, состоящая, казалось, из одних клыкастых челюстей, огромные раздувающиеся ноздри – он чует ее запах!.. Ослепшие от яркого света, мутные глаза.

Еще доля мгновения – и сааг кинулся снова, руководствуясь уже одним только нюхом; в белом сиянии развороченного жучьего логова сарна ринулась в боковой, невообразимо узкий проход. Слишком узкий для огромной туши саага.

Раздраженный вопль зверя, второй раз упускающего добычу.

Второй раз – потому что сарна знала, что это именно ТОТ сааг. Чувяла мокрой, передергивающейся шкурой.

* * *

Солнечный луч сполз с потолка на стену.

Павла лежала, чувствуя, как липнет к телу потная ночная сорочка.

Ей было тошно. Во рту стоял отвратительный металлический привкус, и то и дело приходилось сглатывать слюну. Мышцы болели, как от долгой изнуряющей работы.

– Павла!.. Опоздаешь!..

Она всхлипнула.

За что?!

Избежать опасности – счастье, но кошмар, повторяющийся ДВАЖДЫ?!

– Па-авла!..

Звонко грохнула хлопушка. Из-под двери потянуло сбежавшим молоком.

Прижавшись лбом к окну автобуса, она тупо множила номера проплывающих мимо машин.

Автобус еле полз в гору, он похож был на тяжелого, сытого зверя, пыхтящего от малейшего усилия; ночь отодвигалась от Павлы, подергивалась туманом, яркие воспоминания уходили – но липкий пот оставался.

Вереницей промелькнули велосипедисты – человек десять, все яркие, как игрушки на витрине.

Плыла над тротуаром огромная надувная гусеница. Это топали на экскурсию детишки, и каждый торжественно держал по одной пластмассовой ножке; гусеница подпрыгивала над их головами как живая. Прохожие оборачивались.

Торговец попугаями, примостившийся у автобусной остановки, поймал угрюмый Павлин взгляд. Обезоруживающе улыбнулся, похлопал ладонью по клетке, рекомендуя свой товар как лучшее средство от депрессии.

Павла вздрогнула, потому что идущий по проходу парень задел ее газетой; парень извинился, и по глазам было видно, что он не прочь завести разговор, – но Павла не ответила.

Именно в этот момент под окном проплыла, обгоняя автобус, неприметная беленькая машина с эмблемой Рабочей главы на крыше и на дверцах.

Павла зажмурила глаза, но проклятое воображение уже подсовывало картинку – залитый солнцем дворик, газон с садовыми ромашками... И эта вот машина у подъезда. И выносят нечто, укрытое простыней, и удивленно-испуганно переглядываются соседки: «Да вроде здоровая была, молодая... С чего бы?..» – «Не повезло...»

Не повезло.

Хотя на самом деле повезло, конечно. Дважды избежать верной смерти – с этим вроде бы к психотерапевту идут...

Павла поморщилась. Она всегда удивлялась людям, способным говорить «про это» с кем-то посторонним. Даже не с другом и не с родственником – с совершенно чужим, профессионально участливым человеком... Нет, стыдно.

Зазевавшись, она проехала нужную остановку.

Около одиннадцати ее позвал к себе Раздолбеж; на его захламленном столе дымилась чашечка кофе. Павла безучастно смотрела, как заворачивается спиралями, тает белыми язычками ароматный кофейный пар.

– Нимробец... Ты меня слушаешь или нет?

Павла перевела взгляд на красную, напористую физиономию Раздолбежа. В лабиринтах Пещеры он наверняка хищник. Вряд ли, конечно, саг – но схруль, зеленый схруль, как минимум...

Эта мысль испугала ее. Не потому, что она боялась схрулей, она боялась ненормальности. Ни один нормальный человек не станет днем раздумывать о мире Пещеры. Это дозволено разве что подросткам в период полового созревания, и то они этого стыдятся...

– Эй, Павла... Ты чего?

– Ничего... – Она опустила глаза. – Сделаю...

– У тебя три дня. Потому что мы и так не укладываемся в сроки... Интересующие нас статьи ищи в «Театре» за прошлый год. В «Сюжетах», потом совсем недавно что-то было в «Сплетнице»... Фигура он видная, я его раскручу, как клубочек... Позвони ему, возьми касеты со спектаклями, какие-нибудь любительские съемки, все пойдет в дело...

– Он мне не даст, – сказала Павла мрачно.

Раздолбеж вскинул брови:

– Да? А зачем ты тогда мне нужна?.. Учись, милая, разговаривать с людьми, надо, чтоб дал... Позвони ему, похвали последнюю премьеру, ну, что хочешь...

– Последняя его премьеры – лабуда без масла, – все так же угрюмо сообщила Павла. – Все бегает и орут, то громче, то тише...

– Плевать. – Раздолбеж смачно отхлебнул из кофейной чашечки. – Найди хорошие слова... Работай. Хочешь сделать карьеру – учись.

Павла вздохнула.

В офисе работал телевизор; секретарша Лора закончила телефонный разговор, бросила трубку, радостно кивнула Павле:

– Сейчас наш новый анонс пойдет, хочешь глянуть?

С экрана улыбалась дикторша с третьего канала, Павла знала ее как невозможную стерву, сейчас она говорила о перестановках в городской Администрации, о новом проекте по озеленению окраин, об открытой ярмарке идей под патронажем Гуманитарного университета; Павла разглядывала ее пиджак. Элегантное сооружение безукоризненного покроя, с лепестком на лацкане, будто специально созданным для микрофона-петлички... Дикторша не отрывала взгляда от камеры, и миллионы польщенных зрителей думали, что она глядит им прямо в глаза. На самом же деле дама смотрела на бегущую строку подсказчика.

Секундная пауза; обаятельное лицо сделалось профессионально грустным:

– Городская служба охраны здоровья с прискорбием сообщает, что сегодня ночью ушел из жизни господин Петер Сухич, бывший бессменным мэром столицы на протяжении десяти лет, вплоть до выборов прошлого года... Господин Сухич не страдал фатальными заболеваниями, однако преклонные годы – ему исполнилось восемьдесят два – стали причиной общего ослабления организма... Сон его был глубок, смерть пришла естественно. Завтра в десять часов утра состоится траурное шествие, и горожане, желающие отдать последний долг уважаемому соотечественнику, могут явиться в девять тридцать к зданию мэрии...

– Павла, ты чего? – удивленно спросила секретарша Лора.

«Сон Павлы Нимробец был глубок, и смерть пришла естественно».

Павла проглотила соленую слюну:

– Слушай...

Она почти решилась спросить, нет ли у Лоры знакомого психоаналитика. Решилась спросить – но в последний момент замолчала. Слишком глубоко сидит запрет на стыдное. А с Лорой еще работать и работать...

Если, конечно, Раздолбеж не исполнит свою угрозу и не выгонит нерадивую ассистентку Нимробец в три с половиной шеи.

– Слушай, Лора... Мне тут... Передача будет по Раману Ковичу, главрежу Психологической драмы... У тебя к нему нет никаких дорожек? Ну, знакомых там...

Лора смотрела недоверчиво. У Лоры был отменный нюх – она прекрасно поняла, что главный вопрос Павлы остался незадаанным.

– Кович? Не знаю, что тебе... А, вот на пятом канале есть такой декоратор, Стесь, хороший парень, так вот он бывший актер, и как раз с Ковичем работал... Павла, а ты почему такая смурная сегодня?..

Хороший парень Стесь увел ее курить на лестничную площадку.

Изредка прикладываясь – из вежливости – к жесткому вонючему фильтру, Павла смотрела, как хороший парень Стесь, сорокалетний брюнет с породистым, слегка испитым лицом, жестикулирует дымящейся сигаретой.

– Кович?..

Стесь сделал паузу. Мастерскую, наполненную внутренним драматизмом; собственно говоря, вся речь бывшего актера состояла сплошь из пауз, а слова, скупые и донельзя многозначительные, служили всего лишь реденькой крепежной прослойкой.

– Кович... М-м-м. Время идет, а люди ничему не учатся. Ничему. – Стесь прищурился, меряя Павлу жгучим взглядом черных глаз. Любой его жест был широк, красив и выверен; Павле вдруг пришло на ум, что такой вот прищур сквозь сизый дым сигареты она уже где-то видала неоднократно. В кино.

– Кович... Все это стадо идиотов. Все одинаковое, и они орут, что орет сосед... А я, девочка, – он вдруг подался вперед, буравя Павлу взглядом, – а я никогда в жизни ничьей задницы не лизал. Так и запиши.

«Запишу», – мрачно подумала Павла.

Стесь докурил. Задумчиво бросил окурочек в железную урну, промахнулся, скептически поджал губы:

– Кович... Дерьмо твой Кович. Скотина и провокатор. У нас таких любят...

Он вдруг взял Павлу за пуговицу. Задумчивым доверительным жестом.

– Ты, девочка, береги честь смолоду. Ты, смотрю, такая хорошая... Полным-полно идиотов, только и думают... А ты помни! – Он выпустил Павлину пуговицу, чтобы наставительно поднять палец.

Павла уныло кивнула.

После обеда Раздолбеж выругал ее за старые фильмы, которые она должна была привезти из фильмотеки и не привезла. Фильмотека помещалась в двух кварталах от студии –

Павла пошла пешком, и торжествующий май всеми силами атаковал угнездившуюся в ее душе тоску. Атаковал и добился некоторых успехов – увидев в зеркале витрины свое кислое, бледное, угрюмо сморщенное лицо, Павла устыдилась и быстренько изобразила улыбку. Память мышц – а ее лицо прекрасно помнило, как улыбаются, – высвободила в ее душе резервы оптимизма; переступая порог фильмотеки, Павла уже напевала. Потому что долгая грусть утомляет. Потому что этой ночью ее ждет спокойный сон без сновидений, и следующей, и последующей, а попав наконец в Пещеру, она больше никогда в жизни не встретит саага.

Ни одного.

По закону статистики.

И она рассмеялась, и так, с милой улыбкой, выслушала сообщение старушки фильмотекарши о том, что заказанных фрагментов нет и еще долго не будет. Старушке было неудобно, она то и дело пожимала покатыми плечами:

– Какой-то дурак в аппаратной пиво разгрохал, литровую бутылку... А они пива нанюхались – и показали. Крысы-то. Налакались, видимо, все пожрали, ну прям подчистую перегрызли, ничего не работает, света нет, приедут монтеры – полы вскрывать будут... Крысы, они от пива сдурели. Раньше проводов не грызли – теперь вот... Так что, девочка, не будет заказов, с недельку еще не будет, тут с утра такой топот под полом стоял – куда твое дело...

Улыбка на Павлином лице потихоньку растаяла. Поблагодарив старушку фильмотекаршу – интересно, за что, за добрую весть?! – она побрела обратно и, увидев в зеркальном стекле шикарной машины свое убитое горем лицо, не попыталась даже разгладить складку на лбу. А, какая разница...

Раздолбеж долго молчал. Как всегда бывает в таких случаях, утраченные фрагменты старых фильмов с каждой секундой приобретали в его глазах все большую ценность – сейчас он поверит, что без них завтрашняя передача вообще невозможна.

– Ну, вы даете... – тихо сказал он наконец.

Павла прерывисто вздохнула. «Вы даете» – как будто это именно она перегрызла провода в фильмотеке!..

– Все, за что вы беретесь, Нимробец, – с тоской сообщил Раздолбеж, – все, за что вы беретесь... То дождь пойдет, то автобуса нет, теперь вот крысы...

– Я их не приглашала, – сказала Павла искренне.

Очень скоро оказалось, что иллюстрированный журнал «Сюжеты» не имеет обыкновения печатать на первой странице содержание. Хочешь чего-нибудь отыскать – будь добр, листай страницы.

Павла листала.

Подшивки были тугие и тяжелые; «Сюжеты» выходили каждую неделю, толстые, лаковые, форматом с небольшой рекламный щит. Павла то и дело отвлекалась, разглядывая шикарные иллюстрации, погружалась в чтение, изучала подборки о новомодном движении создающего туризма, о конкурсе методических программ для младенцев с несформировавшимся «этическим скелетом», и о последних нашумевших фильмах, и о новых разработках в ветеринарии, и о «культуре праздников в сложных климатических условиях», о ночных клубах, аукционах аквариумных черепашек, о новейших космических проектах, искусстве устраивать рукотворные гроты и вечеринках с участием рок-звезд. Спустя два часа, обалдевшая от информации, с тяжелой головой и замутившимися глазами, она наткнулась наконец на статью о Рамане Ковиче.

Худрук Психологической драмы сидел в песочного цвета кресле, Павла долго и устало смотрела в его желчное, некрасивое и необаятельное лицо. Ей воочию виделось, как берущий интервью журналист вертится вокруг в поисках слабого места или пикантной подробности, но все его выпады разбиваются о каменную, непоколебимую самоуверенность первого режиссера столицы.

«Скажите, а почему из театра уволился такой-то?» – «Я не врач и не могу оказывать психиатрическую помощь». – «Газеты писали о громком скандале, когда такая-то, которую вы отстранили от работы, пыталась покончить с собой...» – «Бедняга недоигрывала на сцене, зато в жизни переиграет кого угодно. Если кто-то хочет покончить с собой, но его спасают – значит, это спектакль...» – «Все говорят, что ваша последняя премьера...» – «А вы ее видели?» – «Н-не довелось, билетов, знаете ли...» – «Билеты все проданы на месяц вперед, но вы все равно сперва посмотрите, а потом поговорим...»

Павла вздохнула и решила дальше не читать, а попросту отнести Раздолбежу ксерокопию.

До вечера – до закрытия библиотеки – ее добычей стала подборка в журнале «Театр», несколько похожих статей в непохожих друг на друга газетах и едкая заметочка в «Сплетнице» – последняя премьера Рамана Ковича подвергалась искусыванию и ядовитым насмешкам. Герои, мол, передвигаются исключительно кругами, как на ипподроме, и говорят исключительно штампами, как в провинциальном музее, а если героиня обнажает грудь – так хотя бы нарисовать его стоило, этот бюст, кружочками обвести, чтобы зритель, так сказать, хоть некое подобие увидел... А что герой сгорает от страсти – об этом в программке надо писать, потому как бестемпераментный, белый, как моль, артист такой-то, загнанный режиссером в оболочку бешеного ритма, похож на детскую погремушку – такой же пустой и такой же шумный...

Библиотекарша уже стояла над Павлой как карающее привидение; Павла заказала ксерокопии, откусила от заваливавшейся в «дипломате» булки и побрела домой.

В детстве ей случилось увидеть один из ранних спектаклей Ковича, тогда еще очередного режиссера какого-то мелкого театратора, – «Девочка и вороны»; премьера обернулась взрывом, и даже спустя год билеты все еще невозможно было купить – за ними простаивали ночами. Четырнадцатилетняя Павла, сопровождаемая ревностным надзором старшей сестры Стефаны, попала на спектакль случайно, на «лишний билетик», и потом целый месяц пребывала в потрясении, в эйфории. И потом смотрела снова, и снова, и снова, потому что спектакль шел, наверное, лет десять...

Десять лет Кович сидел на своем троне – неотлучно. То есть он, конечно, странствовал по городам и весям, приходил в Драму главным режиссером и уходил снова, исчезал на год-другой и снова возвращался на гребне скандала, но трон лучшего режиссера – и так считала не одна только Павла – бродил за ним, как верная лошадь.

А потом он окончательно обосновался в Театре психологической драмы, разогнал половину тамошних актеров и набрал взамен своих людей. Павла видела несколько спектаклей – критики захлебывались от восторга, имея перед глазами самую обыкновенную, пресную лабуду. Павла вздохнула.

Все семейство было в сборе; Влай, муж Стефаны, играл с Митикой в настольный хоккей, и от его темпераментных бросков черная шайба то и дело вылетала за бортик и катилась под диван, и Митика начальственно указывал пальцем, и Влай послушно лез в пыльное царство потерянных вещей, копошился там, оставив на поверхности одни только тощие ноги в спортивных штанах, и возвращался довольный, с добычей. Стефана жарила блинчики – дым стоял коромыслом; Павла совсем не хотела есть, но привычный напор сестры заставил ее через силу прожевать несколько ложек гречневой каши.

– А мы о Ковиче делаем передачу, – похвалилась она просто затем, чтобы не молчать.

– Да? – удивилась Стефана. – Ой как интересно...

И продолжала прерванный рассказ о положении дел в институте, о молодой сотруднице, делающей колоссальные успехи и обреченной на большое будущее в науке, о своем бездарном, но трудолюбивом заместителе, о большом конгрессе, который состоится в следующем месяце и на котором она, Стефана, будет вести секцию.

Глаза Стефаны по-рысьи горели. Про работу она умела говорить часами; Павла кивала и ковыряла вилкой остывающую кашу.

Тем временем мужская игра выплеснулась за границы игрушечного поля; вооружившись венниками, хоккеисты гоняли по квартире теннисный мячик. Павла добиралась до своей комнаты с предосторожностями, как альпинист на лавиноопасном участке. В коридоре ей досталось мячиком по щиколотке – Митика восторженно завопил; Павла плотно закрыла за собой дверь, села на диван и поставила на колени оранжевую коробку телефона.

«Он мне кассет не даст». – «Да? А зачем ты тогда мне нужна?.. Учись, милая, разговаривать с людьми, надо, чтоб дал... Позвони ему, похвали последнюю премьеру, ну, что хочешь...»

Павла поморщилась.

Собственно, что страшного? Что тяжелого и печального осталось в жизни, если сага больше не будет?.. Подумаешь, какой-то зазнавшийся режиссер. Велика важность...

Гудки длились так долго, что она уже потянулась к рычагу, и в этот самый момент на том конце провода послышалось мрачное:

– Говорите!

Павла растерялась. Она, собственно, и позвонила затем, чтобы говорить, но не ждала такого грубого и настойчивого побуждения.

– Говорите, ну?..

– Добрый день, – пролепетала Павла нежным голоском, одновременно игривым и ележным. – Господин Кович?

– Ну, – с отвращением подтвердила трубка.

– Вас беспокоит студия художественных программ, четвертый канал... Мы готовим передачу о вашем тво...

– Имя режиссера.

– Что? – сбилась с речи Павла.

– Имя режиссера передачи, не ты же ее делаешь, да?

За дверью пронзительно завопил Митика. Павла заткнула свободное от трубки ухо.

– А... режиссера? Господин Раздолбе... Господин Мырель, автор цикла о...

– Что, он сам не может позвонить?

– А... Я ассистент и хотела бы... кассеты...

– Потом, – сухо бросила трубка. – Я занят.

Короткие гудки.

«Найди хорошие слова... Работай. Хочешь сделать карьеру – учись...»

Павла вздохнула.

Похоже, ей никогда не сделать карьеру.

* * *

Сарна брела, низко опустив изящную голову, обратив раструбы ушей к земле.

Камень отзывается первым. Камень вздрагивает от шагов, и отзвуки их, глухие и звонкие, разносятся на много переходов кругом, и сарна знает, что минуту назад в кривом коридоре двумя ярусами выше жадный коричневый схруль задрал самку тхоля. Задрал, утолив жажду крови, и теперь не знает, что делать с костлявым растерзанным тельцем – и без того сыт...

Дыхание. Сарне казалось, что она слышит его со всех сторон – разными голосами дышал сырой ветер. В темноте переходов толстый, громоздкий барбак гнался за барбачихой – и догнал, и к любовному игрищу примешалась изрядная доля жестокости. Барбаки похотливы; сарна испуганно дернула ушами.

Ее манила вода, но путь к реке перегорожен был страхом. Она бродила в дальних, пустынных коридорах, ловила ушами вздохи и отзвуки, но – все яснее и четче – осознавала наползающую, сочащуюся из провалов беду.

Она поднялась ярусом выше. За три прохода обогнула пасущуюся пару сородичей-сарн, поднялась снова, осторожно обошла сытого схруля и снова напрягла раковины ушей, пытаясь вычленив из хора безопасных звуков ноту своего беспокойства, – тщетно. Ничто не нарушало размеренной жизни Пещеры, а вместе с тем маленький зверь с проплешиной на груди все чаще и чаще вздрагивал, прислушивался и озирался.

Ее искали.

Ее искал напряженный взгляд, и огромные ноздри приплюснутого черного носа цедили ветерок Пещеры, по крупнице вылавливая ее запах; сарна, почти лишенная нюха, интуитивно ощущала, как растекается ее дух по коридорам и ярусам, струйкой сбегает вниз и поднимается вверх, повисает над каменным полом, увязает во мхах...

Она брела как потерянная. Ощущение неправильности, невозможности происходящего лишало ее сил.

Потом семейство маленьких тхолей, возившихся во влажном тупике, в ужасе ударились в бегство; это случилось двумя ярусами ниже, там, где не так давно стояла и прислушивалась сарна с проплешиной и откуда ее увело нарастающее предчувствие. Один из тхолей попался на чьи-то зубы и огласил пещеру предсмертным визгом – прочие его сородичи спаслись, забившись в норы.

Сарна стояла неподвижно, как изваяние. Ее слух был сейчас единственным оружием, способным ее защитить.

Заколотили по камню копытца. Парочка влюбленных сарн неслась прочь, будто спасаясь от неминуемой смерти, и скоро стук копыт замер вдаль – даже отзвуки угасли, съеденные мхом и расстоянием.

Потом метнулись, с топотом разбежались совокуплявшиеся барбаки.

Сарна стояла, и ей казалось, что вся живность Пещеры трепещет, разбегается, прячется, в ужасе уходит с пути бредущей по коридорам смерти.

Топот ног, отзвуки торопливых шагов; между сарной и тем, что приближалось, оставался сытый, дремлющий после трапезы схруль.

Глухое уханье. Грохот, сотрясение стен; жалобный вопль. По-видимому, схруль сослепу решил вступить в поединок, а разобравшись, кто перед ним, не получил уже возможности отступить...

Сарна затаила собственное неровное дыхание. Излив злобу в схватке со схрулем, преследователь остановится... Его инстинкт на сегодня удовлетворен, он не станет тратить силы на изнуряющее упрямое преследование...

Она ошиблась.

Теперь ее уши ловили уже отзвук шагов, едва различимый треск зеленой подстилки – потому что по высохшему мху невозможно передвигаться бесшумно...

Она все еще стояла. Уже понимая необходимость бегства, уже осознавая бессмысленность сопротивления. В приближении того, кто ее искал, была какая-то давящая неотвратимость. Как будто там, в первый раз, у воды, была совершена ошибка. И то, что не свершилось тогда, обязательно произойдет сегодня – сейчас...

Еле слышимый звук возник в конце коридора – и тогда она не выдержала и побежала.

И сразу поняла, что преследователь побежал тоже.

Все повторялось, но теперь она не верила в спасение.

Сливались перед глазами мерцающие пятна лишайников; звук копыт, наполовину съедаемый тонким слоем мха, метался среди нагромождений камня, и лишь в последнее мгновение сарна находила проход. Минута – и она вырвалась в темный зал, уставленный колоннами сталагмитов, метнулась в первый же попавшийся коридор – и ошиблась, потому что дорога обернулась тупиком.

Поначалу голый камень, звенящий от ее копыт и придающий миру ясное объемное звучание, обрадовал ее и вселил надежду, но уже после второго поворота она поняла, что впереди нет ничего. Что звук возвращается, отражаясь от непреодолимой преграды, что перед ней стена. И она хотела расшибиться о стену на всем скаку, но естественная живучесть не позволила.

Коридор загибался вверх; сарна стояла в наивысшей его точке, спиной к поросшей мхом преграде. Здесь все поросло мхом, здесь было роскошное пастбище, а в глубокой щели, скрываемой пышным зелено-коричневым ковром, бежала струйка воды. И если осторожно разгрести мох копытцем...

Сарна смотрела в глаза своей смерти.

Сааг был крупным даже для своей породы. На жертву глядели желтоватые, широко посаженные глаза с огромными, презирающими темноту зрачками. Второй парой глаз казались раздувшиеся ноздри; за третью – и четвертую пару сошли бы черные, влажно поблескивающие клыки. Передние лапы саага, широкие, как щетки, скрывали в себе по два набора втяжных когтей – изогнутых ножей, умеющих протыкать жертву насквозь. Черная короткошерстная шкура плотно облегла мощные, безобразно выступающие мышцы; сааг был в пике своей формы. Не молодой и не старый, ненасытный, фанатично упрямый сааг, который добился-таки своего.

Сарна тяжело дышала. Холодный ветер Пещеры касался проплешины на ее груди, и ей казалось, что ледяные когти добрались уже до ее сердца.

Чуть слышно шелестел подо мхом ручей. Возможно, сааг чуял воду – но нежного журчащего звука он слышать не мог; круглые уши-раковины дрогнули, готовые поникнуть.

Сааг двинулся вперед. Беспомощность жертвы придавала предстоящему убийству своеобразный сладковатый привкус. Сааг шел – вернее, тек навстречу пойманной сарне. Переливались мышцы под лоснящейся черной шкурой.

Сарна смотрела; в тот самый момент, когда ее смерть совершала шаг над невидимым ручьем, в ободранной груди обреченного зверя беззвучно взорвалось желание жить.

Она поднялась на дыбы; движение скорее жалкое, нежели грозное. Ее крохотные копытца не в состоянии нанести саагу ущерба, а уводя из-под броска шею, она тем самым подставила под косяной нож свой нежный, с подпалинами живот.

Сааг понял это – но именно в эту секунду его мускулистая лапа, задняя правая, подбравшаяся перед прыжком лапа, угодила в скрытую от глаз расщелину.

То, что ясно было круглым ушам сарны, оказалось для саага сюрпризом. Опьяненный своей властью, ошалевший от вкуса еще не пролитой крови, удивленный порывом беспомощной жертвы, он допустил ошибку – не связал в сознании запах воды и образ щели, по которой эта вода, как правило, течет.

Хищник, за всю жизнь не сделавший ни одного неверного шага, волей обстоятельств оказался неуклюжим, как барбак; лапа ушла глубоко в расщелину, раздраженный рев подхлестнул сарну – прыгнув с места, она пролетела под самым каменным потолком, над головой ревущего зверя, над арсеналом клыков и когтей, над бессильной яростью, над воплем о несправедливости и нечестной игре; она неслась, ничего не помня и ничего не чувствуя, и только инстинктивно отыскивала среди камней единственно верный, невидимый глазу выход.

* * *

Лора испугалась, услышав в трубке ее голос.

– Павла?! Что с тобой такое, я тебя даже не узнала...

– Я заболела, – сказала Павла хрипло. – Я... больна.

Лора помолчала. Спросила осторожно:

– Врача вызвала?

– Я сегодня дома поработаю, спроси Раздолбежа... Можно я сегодня дома поработаю? Я ему... интервью расшифрую. Я заболела...

Лора вздохнула:

– Я перезвоню...

И перезвонила спустя минуту:

– Ладно, один день тебе, но чтобы все интервью, чтобы на завтра, и чтобы материалы про Ковича... Болеутоляющее прими, Павла.

– Ага, – сказала Павла и повесила трубку.

Стефана заставила ее измерить температуру – хоть Павла и твердила хмуро, что никакой температуры у нее нет и быть не может. Стефана не успокоилась, пока показания сестры не были подтверждены показаниями термометра; опыт многочисленных болезней Митики приучил ее верить, что если нет температуры – значит, о серьезной болезни речи нет.

– Павла, ты сегодня дома? Я тогда малого в сад не поведу, дождь, и все равно уже опоздали... Ладно?

Павле было все равно.

Сидя на широком подоконнике, она равнодушно смотрела, как Стефана – огромный сиреневый зонтик – бежит через мокрый двор; под дождем белые плиты дорожки казались стеклянными. По стеклу катились капли, Павле казалось, что весь большой мир, в котором она привыкла ощущать себя как дома, – что этот мир плывет, оплывает, качается.

– Павла! А ты вот так не умеешь!..

Довольный Митика стоял двумя ногами на двух больших термосах. Воспользовавшись замешательством тетушки, он успел продемонстрировать, что именно Павла не умеет – спрыгнул с самодельных котурн, отчего зеленый термос опрокинулся и покатился, а красный звонко треснул разлетевшейся колбой.

– Все расскажу маме, – сообщила Павла равнодушно. Митика рассмеялся; Павла снова обернулась к окну.

Сарна НЕ ДОЛЖНА три ночи подряд спастись от одного и того же саага. То есть, конечно, она МОЖЕТ трижды от него спастись... Как не исключено, что высыпавшиеся из кулька семечки образуют на полу графическое изображение статуи Вдохновения. Нет таких физических законов, чтобы семечки не сложились в картину. Но вот почему-то никогда не складываются!..

Павла закусила губу. Оказывается, она всю жизнь подсознательно этого боялась – у нее, наверное, психическое отклонение. Она действительно больна, только не так, как думает Лора, и совершенно не той болезнью, в которых разбирается вооруженная градусником Стефана...

– Павла, а давай в хоккей!..

Не оборачиваясь, она качнула головой; Митика заорал, да так пронзительно, что у Павлы моментально закружилась голова:

– Ну давай...

Закусив губу, она заколотила в Митикины ворота подряд три шайбы; на четвертой уязвленное самолюбие юного спортсмена выкинуло фортель, Митика в ярости зашвырнул шайбу под кресло и ушел дуться на кухню. Павла вздохнула с облегчением и снова взгромоздилась на подоконник.

В принципе она может позвонить в анонимную психиатрическую службу. Хоть сейчас – хотя лучше, конечно, из телефона-автомата... Она объяснит, в чем дело, и попросит совета. Неудобно и тягостно, но все же лучше, чем... В конце концов, есть ведь какие-то стимуляторы. Выключающие сон. На день, на два... Сколько человек может продержаться?.. «Сон ее был глубок, и смерть пришла естественно...»

Нет, но ведь то, что творит этот сааг, это вообще ни в какие ворота не лезет!.. Вот кому надо обратиться к психиатру, если, конечно, он не хочет, чтобы вскорости его прикончил как бешеного какой-нибудь егерь...

Митика подозрительно долго молчал. Павла отвлеклась от тяжелых мыслей, посидела, прислушиваясь, потом тихонько встала и пошла на кухню.

Уже в коридоре до нее донеслось сосредоточенное Митикино бормотание:

– Поворот, поворот... Прямая дорожка... Поворот... Куда, куда?! Это не по правилам...

Тут поворот, поворот...

Павла заглянула.

Посреди кухни стоял на четвереньках увлеченный Митика; рассыпанные костяшки домино уложены были в некое подобие лабиринта, и юный натуралист водил по нему прутиком от веника, причем Павла не сразу разглядела, что главный персонаж игры – ошалевший, средних размеров таракан.

– Митика, фу! Митика, какая гадость, скорее руки помой!

– Я его руками не трогаю, – пробормотал Митика, не отрываясь от игры.

– Перестань мучить насекомое!

– А я не му... не мучию...

– Ты будешь слушаться или нет?!

Воспользовавшись минутным отвлечением маленького экспериментатора, таракан выбрался из лабиринта и нырнул в щель под мойкой. Митика возмущенно запричитал; Павла молча взяла его под мышки и потащила в ванную, Митика вырвался, оскорбленный, схватил пригоршню костяшек от домино и швырнул в стену:

– Ты! Зачем! Что ты мне мешаешь, ты мне мешаешь!!

Павла плюнула, повернулась и ушла; хотела закрыться в своей комнате – но поверх небранной постели комком валялась ночная рубашка, и Павла содрогнулась, будто ей показали труп. Так и не решившись прикоснуться к собственной постели, она взяла со стола диктофон, бумагу и ручку, вышла в гостиную, устроилась в кресле и взялась расшифровывать какое-то длинное, нудное и бессодержательное интервью.

«Как вы считаете, почему жанр эротической прозы с таким трудом прокладывает себе дорогу в сельской местности?» – «Видите ли, то, что мы привыкли называть эротической прозой, есть на самом деле не что иное, как углубленный эгопсихологический пласт...»

В затылок Павле ударила ледяная струя воды; подскочив, она выронила диктофон. Митика, вооруженный водяным пистолетом, немедленно улепетнул в ванную и заперся изнутри.

Углубленный эгопсихологический пласт.

Павла побродила по комнате, бездумно поводила пальцем по пыльному экрану телевизора; дождь за окном прекратился, теперь там стояло солнце.

Митика просидел в ванной полчаса, и причиной его усидчивости оказалась картина, которую он рисовал на большом зеркале Павлиной новой помадой. Павла изучила телефонный справочник, в котором номеров анонимной психиатрической помощи оказалось аж двенадцать – на разные случаи жизни; после обеда вернулась Стефана, Павла молча передала ей притихшего шкодника и вышла во двор, комкая в кармане бумажку с переписанными телефонами.

Она надеялась, что номер, избранный ею для первого звонка, – информационно-консультативная служба, – окажется отключенным или занятым; трубку подняли сразу же, без гудка.

– Добрый день, – поздоровался мягкий женский голос.

– Добрый... – отозвалась Павла автоматически.

– Вы позвонили нам – вы нуждаетесь в помощи?

Павла сглотнула.

– Я отвечу на все ваши вопросы. И поверьте, что все, о чем вы собираетесь спросить, совершенно естественно и не может быть стыдным...

Павла молчала; стены телефонной будки отгораживали ее от мира звуконепроницаемой стеной, голубоватым панцирем. В будке она чувствовала себя удивительно надежно. Надежнее, чем дома.

– Я три ночи подряд... попадаю... туда.

Пауза была такой короткой, что, можно сказать, ее и не было вовсе; женщина в трубке не стала переспрашивать:

– Да, это редкий случай. Как правило, мы попадаем в Пещеру не чаще раза в неделю, это оптимальный режим для нервной системы в спокойном состоянии... Может быть, в последнее время ваша жизнь круто изменилась? Что-то новое, сильные эмоции, требующие выхода?

Павла честно задумалась. И думала почти минуту. Ежедневные нагоняи Раздолбежа вряд ли можно считать сильным раздражителем...

– Нет.

– Хм... Возможно, причина чисто физиологическая. У подростков это связано с гормональной перестройкой, у молодых женщин... Вы ведь молоды, судя по голосу?

Павла напряглась. Ей показалось, что она теряет частицу своей анонимности.

– Вам совершенно не о чем беспокоиться. Расслабьтесь – теперь, вероятно, вы попадете в Пещеру не раньше, чем недели через две...

– Это еще не все! – выкрикнула Павла.

– Я слушаю, – голос в трубке сделался серьезным.

– Я... трижды... все эти три раза... за мной охотился один и тот же...

– Не волнуйтесь, – мягко попросила женщина в трубке. – За вами охотился хищник?

– Сааг, – выдохнула Павла. Женщина в трубке выдала замешательство секундным молчанием.

У Павлы вспотели ладони. Ей все сильнее хотелось бросить трубку на рычаг.

– Я вам сочувствую, – проговорила наконец женщина. – Вы, по-видимому, пережили сильнейшее потрясение...

– Но трижды! Трижды!!

– Не волнуйтесь... Все позади.

– А вдруг он... опять?!

– Не волнуйтесь. В четвертый раз этого не повторится... Прежде всего вам не следует смотреть на произошедшее с вами как на нечто совсем уж невозможное. Такие случаи редко, но все же бывают, это как рождение сиамских близнецов, печально, но при нынешнем уровне медицины вовсе не так трагично... Сейчас я дам вам номер телефона, которым вы при желании можете воспользоваться, вам ответит консультант, специализирующийся именно на многократной опасности... Вы записываете?

– У меня нет ручки, – сказала Павла потерянно.

– Не страшно... Вы в любой момент можете перезвонить по этому телефону, и вам продиктуют... Однако прежде всего – не волнуйтесь. Знайте, что произошедшее с вами случилось уже с десятками других людей. Подавляющее большинство их прожили долгую счастливую жизнь, но если у вас возникнут новые страхи – вы всегда сможете позвонить...

– Если проснусь, – пробормотала Павла глухо.

– Попробуйте принять легкое успокоительное...

– Хорошо. Спасибо.

Павла повесила трубку. На той стороне улицы, у входа в небольшой скверик, стояла и сияла на солнце великолепная, ухоженная машина.

Павла бледно улыбнулась.

Она дала понять незнакомой женщине, что ее утешения не произвели на Павлу никакого эффекта, но это было неправдой.

Произвели.

Произвели настолько, что, вернувшись домой, она первым делом прошествовала в свою комнату и тщательно, без всяких лишних мыслей застелила пугавшую прежде постель.

* * *

– ...таким образом процент результативной агрессии составляет на сегодняшний день три и восемь сотых процента. За последние десять суток выявлены двенадцать личностей, чья норма агрессивного поведения превышала установленное число в два и более раз... Десять ликвидированы. Двое находятся под усиленным контролем; все показатели за прошедшую декаду находятся в рамках нормы и позволяют охарактеризовать ситуацию в общем как стабильную.

Сухощавый желтолицый человек наконец-то поднял глаза от блокнота. Его треугольное лицо поразительным образом напоминало эмблему – эмблему Рабочей главы,вшитую в лацкан его строгого пиджака. Лицо, как эмблема, – выразительное и совершенно неподвижное.

Некоторое время длилась пауза. Люди, собравшиеся здесь за круглым столом, чего-то ждали. Но никто не хотел заговаривать первым.

– Спасибо... – пробормотал наконец грузный бородач, чье кресло казалось выше и внушительнее прочих. – А теперь... что ж. Теперь относительно антивиктимного поведения. Относительно этого дикого случая, который вы упомянули... Дикого, потому что максимальный зарегистрированный индекс антивиктимности... сто девяносто три, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – негромко проговорила единственная за столом женщина, полная, с заурядной внешностью домохозяйки. И под обратившимися на нее взглядами продолжила прерванное занятие – шлифовку ногтей при помощи маленькой, тускло поблескивающей пилочки.

Человек с треугольным лицом и эмблемой на лацкане кашлянул, будто у него внезапно запершило в горле:

– В нашем случае – почти триста процентов, координатор.

Бородач поднял брови:

– То есть? Вы, надеюсь, полностью исключили случайность, ошибку, непреднамеренное искажение фактов?

Человек с треугольным лицом позволил себе обиженно поджать губы:

– Рабочая глава не так часто ошибается, координатор.

– Следственный эксперимент?

– Вероятно, потребуется. Но... не в ближайшее время. Нанесение психологических травм, несовместимых с жизнью...

Сидящие за столом люди поерзали в креслах, устраиваясь поудобнее – так, как будто у всех одновременно затекли ноги.

– Не было ли нестандартного поведения со стороны хищника? – продолжал допытываться бородач. – Возможно, незавершенная агрессия? Или, наоборот, превышение допустимого индекса?

Его собеседник чуть приподнял подбородок:

– И нам приходил в голову этот вопрос. Специальное исследование подтвердило: хищник действовал стандартно, в рамках своей личной нормы агрессии. Она у него достаточно высока... Другое дело, что именно в этом случае превышение определить сложно – слишком нестандартная... э-э-э... ситуация. Но, надо сказать, этот человек сам пошел на то, чтобы дать информацию... На всякий случай мы взяли его под контроль.

– Поразительная предусмотрительность, – негромко проронила женщина. И положила пилочку на стол.

– Охраняющая глава чем-то недовольна? – поинтересовался человек с эмблемой.

Женщина подняла взгляд; на ее оплывшем, лишенном косметики лице сидели цепкие, как крючья, жесткие, пристальные глаза.

– Охраняющая глава, – женщина говорила небрежно, по ее голосу можно было решить, что она говорит с подругой по телефону, – имеет сведения об утечке информации... скажем так, о возможности такой утечки.

Некоторое время было тихо.

– Так возможность утечки или утечка? – медленно переспросил бородач.

– Маниакальная подозрительность, – сказал человек с треугольным лицом, поглаживая свою эмблему, – есть необходимая принадлежность охраняющих структур... Факты?

Женщина помолчала, буравя его взглядом. Потом обернулась к бородачу:

– Охраняющая просит полномочий для работы с этой... внезапно возникшей проблемой.

– У нас возникла не только проблема, но и возможность, – негромко сказал мужчина, сидящий напротив.

У него было узкое, смуглое, чуть асимметричное лицо, очень яркие светло-зеленые глаза и низкий, уходящий на глубокие басы голос. Говоря, он не отрывал взгляда от экранчика карманного компьютера – там сменяли друг друга живописные цветовые сочетания.

– Я знал, что Познающая заинтересуется, – с напряженной усмешкой проговорил бородач.

– Да, координатор. Мы уже заинтересовались. Небывалый в истории случай, небывало высокие показатели... Познающая просит полномочий для себя.

– Исключительных, – вполголоса добавил бледный молодой человек, сидящий рядом.

– Естественно, – смуглый поднял брови. – Естественно, исключительных. Познающая способна позаботиться и о наблюдении, и о безопасности, и о...

– Охраняющая выражает протест, – голос полной женщины оставался бесстрастным, но глаза блеснули так, что бородач в кресле нервно мигнул. – Это игра с огнем! Известные всем нам силы не упустят... А любая информация, каким-либо образом уплывшая от нас, рано или поздно попадет к ним.

– Факты? – обиженно повторил человек с треугольным лицом, обращаясь почему-то к пилочке для ногтей. – Факты, доказательства, подтверждающие факт утечки? Или будет как в прошлый раз?

Смуглый наконец-то оторвал свои зеленые глаза от цветовых сочетаний на экране. Чуть усмехнулся; посмотрел на собственную руку, потом на полную женщину со взглядом как стальной крюк.

– Нарушение человеческих прав... субъекта, – загнул он один палец на своей смуглой руке. – Нанесение травм, несовместимых с психическим здоровьем... – другой палец. – Репрессивные меры, противоречащие кодексу Триглавца... что еще новенького может предложить нам Охраняющая?

– Вам не следует говорить в таком тоне, Тодин, – нехотя огрызнулась женщина. – Вы прекрасно понимаете, что ваши исследования тоже не очень-то... Как, интересно, вы собираетесь работать? Путь к результату... к тому результату, который вас интересует...

– Который нас всех интересует, – холодно заметил смуглый.

Женщина оскалилась, и этот оскал страшно контрастировал с мягкими чертами домохозяйки.

– Добрый Доктор использовал калечащие методы, – как ни в чем не бывало продолжал смуглый. – Мы надеемся... найти другой путь.

Женщина хмыкнула, всем своим видом обличая собеседника во лжи.

– Одно могу сказать с уверенностью, – на лице смуглого не дрогнул ни один мускул, – две главы вокруг объекта топтаться не будут. Или Познающая, или мы упускаем свой шанс.

Сделалось тихо. Человек с эмблемой Рабочей главы наконец-то уселся в кресло и облегченно откинулся на спинку – как будто дальнейшее его не касалось.

– Тодин, – медленно, будто раздумывая, спросил бородач, – вы действительно можете... получить ТОТ результат?

– Почти наверняка, – пробормотал зеленоглазый, глядя на светящийся экран.

– Вы понимаете, что это значит?

– Понимаю лучше вас! – неожиданно резко прозвучал глубокий голос смуглого. – Прекрасно понимаю, что... но если мы спрячем голову в песок – мы проиграем почти наверняка! Метод Доброго Доктора всплывет рано или поздно, а так мы могли бы... грубо говоря, найти противоядие. Исследовать механизм... Донор появляется раз в сто лет! ТАКОЙ донор! Такая возможность, а вы...

– Какой темперамент, – криво усмехнулась женщина. – Понимаю, почему ваши пациенты без ума от вас, Тодин... А пациентки в особенности.

– Вы мне льстите, – отозвался смуглый, мгновенно успокаиваясь. – Но в качестве довода это ваше замечание... уязвимо.

– Мы не сможем обеспечить герметичность информации. – Женщина плотно сжала губы, сразу же потеряв сходство с домохозяйкой. – Охраняющая категорически против.

– Это ее естественное состояние, – устало пробормотал зеленоглазый.

– Не надо, Тодин, – раздраженно уронил бородач. – Все нервничают... Ваш проект действительно может быть связан с разрушением личности донора?

Зеленоглазый молчал.

Собравшиеся за круглым столом ждали его ответа – но он молчал, и отблески красок с экрана делали его молчание живописным, почти карнавальным.

Человек с лицом как эмблема складывал белый лист бумаги. Пополом, вчетверо, в восемь раз, в шестнадцать...

Женщина с внешностью домохозяйки барабанила ногтями по своей пилочке. На щеках ее горели красные пятна.

Бледный молодой человек за плечом зеленоглазого нервно сопел.

Двое угрюмых мужчин, сидевшие справа и слева от женщины, мрачнели все больше и больше.

По периметру большой круглой комнаты шла, опустив хвост, небольшая серая кошка.

Еле слышно урчал кондиционер.

– Начинайте, Тодин, – медленно сказал бородач. – Начинайте, но... в случае применения калечащих методов вам понадобятся специальные санкции. Обращайтесь в координатуру.

Женщина вскинула голову – бородач остановил ее движением руки. Сказал сухо, ни к кому в отдельности не обращаясь:

– Полномочия по факту антивиктимного поведения передаются Познающей главе и господину Тритану Тодину лично. Познающая глава должна особенно заботиться о сохранности информации и по возможности щадить человеческие права субъекта... Все, господа. До появления дополнительных обстоятельств вопрос полностью решен.

Человек с зелеными глазами откинулся на спинку кресла.

Если он и был доволен – внешне это не проявилось никак.

Глава вторая

Раздолбеж пробежался глазами по вороху ксерокопий, долго изучал ядовитую заметку в «Милых сплетнях», наконец, хмыкнув, поднял глаза на Павлу:

– Мало.

– Сколько было. – Павла прекрасно знала, что этим «мало» отзыв о ее работе не ограничится.

– Долго раскачиваешься, Нимробец. Мелко копаешь... Кассеты от Ковича уже должны лежать вот здесь! – и Раздолбеж пальцем указал место для кассет на своем захламленном столе.

Павла вздохнула:

– Он хочет лично с режиссером...

– Да чихать мне, что он хочет! Это твоя работа, ясно? Не в «стекляшке» кофе пить целыми днями и не с операторами любезничать, а открыть рот, договориться с Ковичем и принести мне кассеты!..

Павла вспыхнула. Упрек был редкостно несправедлив.

Сегодня утром она выпила-таки в стекляшке две чашечки кофе, но только потому, что у нее слипались глаза! Только потому, что она до утра боялась лечь в постель и заснула на рассвете, в кресле, за расшифровкой какого-то дурацкого интервью! И проспала – о счастье, глубоко и без сновидений – всего два часа чистого времени! Ничего этого Раздолбеж и знать не знает, а совершенно напрасно болтает про кофе и про операторов, потому что в «стекляшке» Павла встретила Саву с четырнадцатого канала, а Сава ее даже НЕ УЗНАЛ!..

Наверное, изменившееся выражение ее лица подсказало Раздолбежу, что на этот раз он не прав. Во всяком случае, прочие обидные слова, заготовленные им для нерадивой Нимробец, так и остались невысказанными. Некоторое время Раздолбеж сопел, скептически глядя в окно, будто сверяя увиденное со вчерашним прогнозом погоды, потом сказал тоном ниже:

– Полчаса назад я звонил Ковичу, и он согласился предоставить свои кассеты. Отправляйся, и прямо сейчас; адрес возьмешь у Лоры. Я буду очень благодарен, если ты ничего не напутаешь и не потеряешь. Иди.

Павла посопела, глядя Раздолбежу в насмешливые глаза, потом опустила взгляд и уныло кивнула.

В лифте ее настиг внезапный голод – может быть, потому, что скоростная кабина, несущаяся вниз почти в свободном падении, всегда как-то странно действовала на ее желудок. Впрочем, Павла сегодня не завтракала, а время было как раз обедать, а на первом этаже широким кругом размещался десяток стеклянных кафе – а потому она презрела недавний упрек Раздолбежа и вошла в «Крыло грифона», чье название на всех этажах давно звучало как «Кило батона».

Спешно жуя бутерброд со свежей розовой колбасой, она то и дело воровато поглядывала по сторонам – не появится ли за стеклянными стенками кафе-аквариума желчное лицо Раздолбежа. За соседними столиками оживленно болтали: у кого-то шеф одобрил к выпуску серию передач, кто-то добыл гениальный сценарий, кто-то выскочил вперед по рейтингу; потом в «стекляшку» ворвалась целая толпа, разыскала среди обедающих бледного, смутно знакомого Павле паренька и обрушилась на него с поздравлениями – оказывается, у паренька вышла первая передача, и приятели стали в очередь, чтобы пожать ему руку.

Наблюдая за чужим триумфом, Павла отхлебнула горячего чая, закашлялась и потому проморгала момент, когда малознакомый журналист – кажется, из отдела проблемных программ – принял решение подсесть за ее столик:

– Не помешаю?

Павла мотнула головой. Бутерброда оставалось меньше половины; вряд ли малознакомый журналист успеет ей помешать. Она сейчас уйдет.

– А я вас, кажется, знаю... Павла. Вы у господина Мыреля работаете ассистентом, правда?

Павла удивилась. В «стекляшках» как-то не принято было заводить сердечные знакомства – во-первых, на работе, во-вторых, на виду... В-третьих... ну, как-то не принято, и все. Во всяком случае, с Павлой таким образом не познакомились никогда.

Она кивнула – одновременно недовольно и растерянно. Ее собеседник, наоборот, воодушевился:

– А меня зовут Дод Дарнец, программа «Запрещенный вопрос», вы, наверное, видели...

Павла видела. У «Запрещенников» был высокий рейтинг, хоть передача совершенно не была рассчитана на широкую публику; там не было ни ведущего-провокатора, ни краснеющих звезд, ни радостной толпы рукоплещущих зевак – серьезный, несколько мрачноватый имидж, напряженное словесное действие и действительно острые, поражающие своей смелостью темы.

Павла не любила «Запрещенников» – хоть несколько раз, по настоянию Раздолбежа, смотрела и анализировала. И вот этого Дарнеца, хоть убей, не помнила... Впрочем, это естественно, чернорабочие журналисты попадают в кадр очень редко.

Ее собеседник понимающе улыбнулся:

– Думаю, что вы не любите нашу передачу, Павла.

Она вздрогнула:

– Почему вы так решили?

Дарнец отхлебнул из своей чашечки:

– Видите ли... слишком острые темы – все равно что слишком острые приправы. Кто-то любит... Кому-то противно. И нельзя же всю жизнь питаться одним хреном...

Павла машинально жевала свой бутерброд.

– И вы совершенно правы, Павла... Есть вещи, о которых вслух, с экрана, не говорят. И даже мы не говорим – не нужно... Но от нашего молчания эти, как я сказал, вещи, они ведь из жизни не исчезают, нет?

Розовая колбаса вдруг встала у Павлы поперек горла – таким внезапным и сильным было беспокойство. И от Дарнеца, конечно, ничего не укрылось; он развел руками, как бы демонстрируя добрые намерения:

– Нет, Павла, то есть да, вы правильно подумали, но в этом нет ничего странного или страшного... Я журналист, но вторая моя работа – консультант в Центре психологической реабилитации...

Она справилась наконец с горлом и мужественно проглотила полупережеванный кусок.

– Вам дико, что я буду говорить с вами о Пещере. Поверьте, дело стоит того, чтобы эту неловкость преодолеть...

– Какое дело? – выдавила Павла.

Дарнец вздохнул. Улыбнулся. Соединил кончики растопыренных пальцев:

– С вами приключилась редкостная история. Три раза подряд...

– Откуда вы знаете?!

Неизвестно, как это выглядело со стороны. Павла сделала все возможное, чтобы ее лицо оставалось бесстрастным – во многом ей помогло сознание, что она сидит посреди людной площади. Что все вокруг только на нее и смотрят...

Дарнец усмехнулся:

– Не волнуйтесь, Павла. Это закон восприятия – в людном месте на нас никто не обращает внимания... Ваш шеф у себя в кабинете. Не волнуйтесь так.

– Откуда вы знаете про...

– Случай столь вопиющий, что укрыться от нас он просто не мог. Это... какое-то феноменальное везение. При том что ваш... сааг приложил все свои немалые силы, чтобы это везение оборвать. Он, можете поверить, сам потрясен не меньше вашего...

– Верю, – процедила Павла сквозь зубы. – Я, знаете, как-то всегда надеялась, что телефоны доверия – это именно телефоны ДОВЕРИЯ, если бы я знала, что после одного случайного, под настроение, звонка...

– Павла, дорогая... Ваш звонок тут совершенно ни при чем. Если бы Центр психологической реабилитации не имел собственного доступа к информации Триглавца... поверьте, множеству наших соотечественников пришлось бы очень плохо. Знаете, за свою практику я перевидал столько людей, нуждающихся в помощи...

– Я не нуждаюсь в помощи, – сказала Павла резко. Впрочем, в какой-то момент в ее душе шевельнулся слабый и теплый червячок – а что, если взять, да и переложить свои страхи на узкие плечи Дода Дарнеца...

– Я встречал и продолжаю встречать множество людей, нуждающихся в помощи, – невозможно повторил ее собеседник. – В частности, в вашей помощи, Павла.

Некоторое время она молчала, удивленно разглядывая остатки недоеденного бутерброда.

– Я объясню... – Собеседник отхлебнул из чашечки. – Ежедневно тысячи людей несут в Пещеру свои комплексы и страхи – волокут этот мусор в чистый и честный мир, где место только честной борьбе и первозданным инстинктам. Ежедневно сотни людей звонят по телефонам доверия, потому что им кажется, что в Пещере что-то не так, что их поведение выходит за привычные рамки... Речь не идет о маньяках-садистах, которым, к сожалению, почти невозможно помочь. Речь не идет о прирожденных жертвах, которые, увы, заканчивают свой путь уже в юности... Речь идет о людях, которые каждый день чувствуют то же самое, что чувствовали вы, набирая телефон доверия... Помните?

Павла невольно поежилась.

– Вот-вот... И наша с вами цель – объяснить этим людям, что ничего ужасного с ними не происходит. Что жертва, даже загнанная в угол, имеет шанс на спасение... Да, я не сказал вам, что примерно восемьдесят процентов консультируемых нами – по ориентации неагрессивны.

Павла молчала.

Дарнец второй раз ее ошеломил – как-то так незаметно получилось, что из полосатой больничной пижамы Павла вдруг переселилась в белый крахмальный халат. Дарнецпил свой чай и беседовал не с пациенткой, а с коллегой и соратницей, чей совет для него исключительно важен.

– Павла... Феномен, который вы продемонстрировали, называется ярко выраженным антивиктимным поведением. Наш центр будет благодарен, если вы поможете нам в работе... Поучаствуете в некоторых исследованиях, нечто вроде социологических опросов... Собственно, очень трудно объяснить на пальцах, но я гарантирую вам интересную работу, общество умных, обаятельных людей... И полнейшую конфиденциальность, Павла. Понимаете?

Она все еще молчала, ей казалось, что за стеклянными стенками кафе прошли годы и годы, что Раздолбеж постарел и вышел на пенсию, что кассеты Рамана Ковича развалились от времени, что здание телецентра сто раз перестроили, что Митика нянчит внуков – а она все еще горбится над розовым обьедком колбасы, и человек, сидящий с ней за одним столиком, полностью заморочил ей голову и размягчил мозги.

– Можете сейчас не отвечать. Просто подумайте... Повторюсь – я понимаю, насколько эта тема деликатна. Насколько вы серьезно к этому относитесь... Но, возможно, именно с вашей помощью будет совершено открытие... которое спасет от безумия тысячи людей. Вы подумаете, Павла?..

– Подумаю, – сказала она почти с облегчением.

Потому что странный разговор, кажется, исчерпал себя и подошел к концу.

* * *

В гулком подъезде с высокими потолками пахло влажной пылью; у лифта стояла огромная, на голову выше Павлы, девица с экстравагантным макияжем – ей, по-видимому, никто никогда не говорил, что темно-коричневых губ у здоровых людей не бывает. Девица смерила Павлу холодным равнодушным взглядом – так, будто перед ней внезапно возник в воздухе некий неодушевленный предмет; Павла, которая боялась стерв и стыдилась этого своего страха, гордо прошествовала мимо – к лестнице.

Кович жил на четвертом этаже. Ступенек, ведущих к нему, оказалось неожиданно много, но Павла не сетовала – пусть дорога будет подлиннее. Предстоящая встреча ее вовсе не радовала; некоторое время постояв на просторной площадке и проводив глазами лифт, уносящий ввысь девицу с коричневыми губами, Павла встала наконец перед дерматиновой дверью, которая, между прочим, снабжена была замком.

Павла не любила людей, запирающих двери своего дома. Правда, среди ее близких знакомых таких типов не было совсем.

Подивившись режиссерским причудам, Павла нажала на железную кнопку звонка; ей не открывали долго, так долго, что она обеспокоенно полезла в портфель, чтобы сверить адрес. Она стояла, как цапля, на одной ноге, положив «дипломат» на колено и роясь в его недрах, когда обитая дерматином дверь распахнулась, и мгновенно возникший сквозняк подхватил ценные Павлины листочки и в живописном беспорядке раскидал по лестнице.

Павла подняла растерянный взгляд.

Человек, стоящий в дверном проеме, был ей многократно знаком по фото, премьерам и презентациям; черный облегающий свитер под горло и черные же спортивный брюки делали его похожим на пожилого мима. Павла успела подумать, что сорокалетний Кович выглядит много старше своих лет и что черный цвет ему не к лицу.

– Добрый день... Я Павла Нимробец, студия художественных программ, четвертый канал, от господина Мыреля, режиссера, он догова...

– Понятно, – с отвращением сказал стоящий в дверях человек.

– Извините, я сейчас...

Пристроив «дипломат» на коврик перед дверью, Павла принялась споро собирать свой разлетевшийся скарб; Кович стоял неподвижно, Павла искоса поглядывала на ворсистые комматные тапки, стражами застывшие на пороге.

И в момент, когда последний клочок бумаги был уже у нее в руках – именно в этот момент, ее впервые ткнуло необъяснимое, неприятное предчувствие.

Черный ворс.

Противно.

Зажав «дипломат» под мышкой, она выпрямилась; Кович смотрел прямо на нее, и некрасивое лицо его, казалось, мрачнело на глазах.

«Учись, милая, разговаривать с людьми, – говаривал умный Раздолбеж. – Похвали его последнюю премьеру... Найди хорошие слова...»

– Вы знаете, – сказала она извиняющимся тоном, – мы ведь... ну, эта передача... Ваше творчество надо... ну, я совершенно была потрясена «Девочкой и воронами», это был невообразимый, гениальный спектакль...

Она чуть запнулась на слове «гениальный». Как бы не перебрать в славословиях; любого нормального человека подобное определение смутило бы. Любого, но не Ковича – он-то просто по долгу службы должен верить в собственную гениальность...

– Мне только кассеты. – Павла виновато улыбнулась. – Мне здесь подождать?

Если он и собирался держать ее на пороге, то теперь передумал. Растаял, что ли, от ее неуклюжих похвал?.. Как бы то ни было, но холодный взгляд Ковича делался все более внимательным; наконец он пожал плечами и отступил в глубь прихожей:

– Входите...

Она вошла.

Прихожая оказалась необычайно большой и феноменально захламленной; стены, увешанные вперемежку плакатами, афишами и календарями двухлетней давности, высокий потолок, оклеенный пожелтевшими обоями, и пыльная обувь, толпой стоящая вокруг полочки-подставки. Павла с удивлением увидела здесь зимние меховые сапоги, кеды, кроссовки, босножки и разноцветные башмаки – все мужские и все одного размера. Все, чем пользовался хозяин в течение года-двух.

Нерешительно потоптавшись, Павла сделала движение, обозначающее желание разуться; Кович поморщился, и это означало, что снимать туфли не следует.

– Вы... как вас, кстати, зовут?

– Павла.

– Так вот, Павла, ты, кроме «Девочки...», ничего, выходит, не видела?

– Видела, – поспешно пробормотала Павла, пробираясь вслед за хозяином среди полок и стеллажей, среди живописного хлама в гостиную, огромную и неожиданно пустую.

Из высоких окон падали столбы света; на скрипучем паркете лежала пыль, и на журнальном столе, и на телевизоре в углу, и даже на кожаном диване, кажется, слоями лежала старая, как этот дом, нетронутая пелена пыли. Под стеной стопками громоздились книги, а на фоне дорогого, но тоже запыленного ковра висели рядом деревянная маска некоего скалозубого демона и портрет самого Ковича, написанный маслом и, как показалось Павле, довольно бездарный.

– И что же ты видела? – небрежно поинтересовался Кович.

– Все... Все спектакли. Но, вы понимаете, «Девочка и вороны» – это было совершенно потрясающе, это был лучший ваш...

Павла осеклась.

Ничего себе похвала. Так бы прямо и сказала: «Вы поставили в жизни один спектакль, все прочее – чушь и пена...»

И, желая исправить ужасный промах, она пробормотала, глядя в широкую трещину на паркете:

– Я сочинение в школе... про «Девочку...»... Я написала, что это о человеке и его страхах... Но мне тройку, потому что на самом деле это о поиске места в жизни... А чего его искать-то, оно у каждого и так есть... Я хотела...

Кович хмыкнул. Смерил Павлу взглядом – по коже ее пробежали мурашки, причем не горячие, как от обычного смущения, а ледяные, будто от смертного ужаса. Павла поежилась – ей во второй раз стало неприятно.

Кович вздохнул, поморщился, насмешливо покривил губы:

– Ладно... Из кассет могу дать только две. И то хотел бы как можно скорее получить их назад.

Павла знала, что следует благодарно кивнуть и принести заверения, но вместо этого стояла посреди комнаты – неподвижно и молча, как обмороженная.

Кович тем временем шел к журнальному столу; там, на пыльной столешнице, одиноко лежала пара видеокассет в ярких футлярах. Кович шел долго, через всю большую комнату, и, как оказалось, чуть прихрамывал; время тянулось и тянулось, Павла стояла, смотрела и чувствовала, как стынет в жилах кровь.

Шаг. Заносится нога в черной ворсистой тапочке... Павла содрогается. Следующий шаг, вот он протягивает руку к кассетам, вот оборачивается, ловит ее взгляд, что-то хочет сказать – но вместо этого резко сводит брови:

– У меня что, дыра на штанах?

Павла смотрела ему в лицо.

Его глаза сидели так глубоко, что с трудом можно было различить их цвет; спустя долю секунды она поняла, что его глаза не коричневые, как ей казалось, а голубые.

Почему ей мерещилось, что глаза у него карие?!

Предчувствие, проснувшееся на лестничной площадке, необъяснимым образом росло и крепло. С каждой секундой она испытывала все более сильный, прямо-таки физиологический страх.

– Вот. – Кович говорил медленно, не сводя напряженных глаз с резко побледневшего лица визитерши. – Здесь первое действие «Голубого Рога», а здесь «Железные белки» целиком... Вам что, плохо?

– Не-е...

Кович постоял, протягивая ей кассеты; она не трогалась с места, и тогда он, нахмурившись, двинулся к ней сам.

И снова через всю комнату.

Павле захотелось отступить.

Павле захотелось вжаться в стену, а лучше – кинуться наутек.

Прочь из огромной и пыльной квартиры, по лестнице вниз, вниз, чтобы гремело эхо торопливых шагов...

...отзвук бьющих о камень копыт.

Она судорожно сжала мокрые от пота ладони.

Кович остановился, не доходя трех шагов. Вперился в гостью вопросительным взглядом; снова протянул злополучные кассеты:

– На...

Павла не смотрела на его руку. Ей вполне хватало лица.

Умное, в общем-то, жесткое до жестокости, волевое желтоватое лицо сорокалетнего человека, который выглядит на все пятьдесят...

Но откуда этот непристойный ужас?! Еще минута – и ей срочно понадобятся услуги кое-какого санитарного заведения...

– На, Павла, возьми...

Он двинулся вперед – она отшатнулась.

И вдруг увидела в его глазах вместо крепнущего уже раздражения некое необъяснимое замешательство.

Они стояли друг против друга – бледная девушка с «дипломатом» под мышкой и человек в черном свитере, протягивающий ей две цветные коробки; теперь рука заметно дрожала. Павла слышала стук крови в ушах.

Человек в домашних тапочках ничем не напоминал могучего зверя, чья морда на две трети состояла из клыкастых челюстей.

И все же теперь она точно знала, КТО стоит перед ней на расстоянии трех шагов.

Ее рука непроизвольно потянулась к шее. К тому месту, где сходятся ключицы, где ветер холодит неприкрытую кожу. Где должна сейчас быть проплешина.

Кович заметил ее движение. И вдруг побледнел сам – до синевы:

– Павла...

Она отступила на шаг. Потом еще.

– Павла, – в его голосе скользнула безнадежность. – Кассеты-то возьми...

Она всхлипнула.

Опрометью, прижимая «дипломат» к груди, кинулась прочь. Запуталась в огромном коридоре, опрокинула трехногий табурет, ударилась в дверь – не заперто; вылетела на лестничную клетку, схватила ртом воздух, с топотом скатилась вниз – и только тогда, в полумраке первого этажа, в окружении синих почтовых ящиков, заставила себя остановиться.

Никто за ней не гнался. Не свистел воздух, разрезаемый стремительным телом, не ревел хищник, упускающий добычу...

Что, уже в четвертый раз?!

Она поставила «дипломат» на пол и прислонилась лицом к холодному железу почтового ящика номер шесть.

Она бредит. Дод Дарнец, странный журналист, не зря уделил ей столько внимания – и в дневном мире, спокойном и светлом, ей мерещатся призраки Пещеры...

И она вообразила себе – не хотела, но проклятая фантазия вышла из-под контроля, – как известный и уважаемый режиссер Раман Кович отбрасывает в сторону злополучные кассеты, одним прыжком достигает жертву и вонзает желтые, наверняка нездоровые зубы в дергающееся горло непутевой Павлы Нимробец.

* * *

Раман Кович не выращивал на балконе цветов, но и деревянные ящики, наполненные землей, выбрасывать не спешил. Сейчас там зеленела трава, цвел одинокий шальной одуванчик и серыми горками лежал пепел, оставшийся от визита курящих приятелей.

Раман Кович вышел просто затем, чтобы хлебнуть свежего воздуха. Сейчас он очень нуждался в кислороде; привалившись к темным от времени перилам, он смотрел, как по рыжей шапке одуванчика ползает тощая, какая-то угрюмая пчела.

Балкон был угловой; сразу две улицы, зеленые и тихие, лежали у ног Рамана Ковича. Великолепный, престижный квартал, улица Кленов и улица Надежды; Раман в который раз перевел дыхание и тяжело опустился на низенькую деревянную скамейку.

Изогнутые прутья балкона заключали сидящего человека в подобие клетки; под крышей дома напротив дрались за жилплощадь ласточки. Раман сцепил пальцы.

Событие, случившееся с ним три минуты назад, было совершенно невозможным и потому особенно пугающим. Он УВИДЕЛ.

Неважно, как выглядела девушка... как ее звали? Павла... Неважно, потому что девушка Павла была одета как сотни других девушек: какие-то джинсы, что-то короткое обтягивающее, или, наоборот, свободное, балахонистое, или и то и другое сразу... Раман давно не обращал внимания на таких вот обыкновенных, друг на друга похожих девушек. Незапоминающееся лицо... зато он прекрасно помнил, как выглядела сарна с проплешиной на груди. Ох, он запомнил эту сарну, он думал о ней днем, он надеялся встретить ее ночью, тонкие танцующие ножки, звонкие копытца, уши-локаторы, живот с подпалинами и отчаянные глаза цвета крепкого чая...

Раман содрогнулся, прижался лбом к железным прутьям. Какая разница, как выглядела девушка Павла... если из ее глаз взглянули на него затравленные глаза его потерянной добычи?!

Некий внутренний сторож поспешил сообщить ему, что он упирается в непристойное. Мгновение – и он начнет думать о запретном... Раман усмехнулся. Он был режиссер, и потому его фантазия умела просачиваться через любые табу.

Если бы позавчера ночью он свершил то, чего желал так сильно, девушка Павла никогда бы не пришла к нему за кассетами.

Если бы он дотянулся до горла, лишённого шерсти... А ведь он невыносимо этого хотел. С той самой минуты, когда наступившая у водоёма жертва отказалась гибнуть. Когда он промахнулся – он, который не промахивался никогда!..

Этот ее жест. Как она потянулась рукой к проплешине – это было так же красноречиво, если бы она просто крикнула ему в глаза: «Я сарна, сарна, сарна!!»

Раман тряхнул головой. События в Пещере всегда помнились ему смутно, урывками – но ярость и раздражение той ночи ему никогда не забыть. Будто бы он... да, это будет правильное сравнение. Как будто его звала к себе прекрасная обнаженная женщина, а когда он, разгоряченный, внял ее призывам, соблазнительница сбежала, играя и насмехаясь...

Нет, но до чего же ничтожной была вероятность их сегодняшней встречи!..

Хотя...

Тысячи людей ежедневно встречаются на работе, в транспорте, в театре... Сегодня он разогнал в Пещере стаю тхолей – а завтра поздоровается за руку с человеком, которого чуть не...

Вероятность встречи всегда есть.

Нет возможности УЗНАТЬ друг друга. В Пещере нет людей – есть сарны и сааги, барбаки и тхоли, прочая живность, а если предположить, что три ночи подряд не сааг гонялся за сарной, а Раман Кович гонялся за Павлой... или как там ее... Да, такое вот предположение здорово пошатнет основы мироздания. Хотя, с другой стороны, Раман Кович не несет никакой ответственности за поведение дикого саага...

Из подъезда, выходящего на улицу Кленов, выскользнула девушка с «дипломатом» под мышкой. Даже сверху, с балкона, легко заметны были и растрепанные волосы, и странно сторбленные плечи, и неуверенность, смятение в каждом шаге; хлопнула, закрываясь, дверь подъезда. Молодая мама, стоящая с коляской по другую сторону перекрестка, вздрогнула и обернулась; девушка нервно пошарила рукой в кармане курточки, выронила на тротуар темный цилиндрик помады, посмотрела на него невидящим взглядом и, как потерянная, двинулась прочь.

Раман Кович прервал свои размышления, чтобы подняться и перегнуться через перила.

Нет, он не собирался сводить счеты с жизнью. Он просто хотел внимательнее посмотреть на Павлу Нимробец.

Разминувшись с приземистой старушкой – та удивленно оглянулась ей вслед, – растрепанная девушка рысцой двинулась через улицу Кленов; Раман видел, как молодая мама поспешно подняла складной капюшон коляски – так, будто начался внезапный дождь.

Неприметная серая машина, стоявшая за углом, на улице Надежды, вдруг резко рванула вперед – спортивные модели способны развивать скорость мгновенно, как гепарды.

Неизвестно почему, но Раман Кович мертвой хваткой вцепился в перила.

Машина выпрыгнула из-за угла в тот момент, когда Павла Нимробец была уже на полпути к противоположному тротуару; Раман Кович, умеющий чувствовать траектории движущихся предметов, явственно увидел точку, в которой серая машина и Павла должны обязательно встретиться. И даже открыл рот, чтобы крикнуть – крик, вероятно, прозвучит спустя секунду после столкновения...

В этот именно момент непутевая ассистентка Нимробец чертыхнулась и со звоном ударила себя по лбу. Развернулась и бегом кинулась обратно, туда, где одиноко лежал у подъезда темный тюбик недорогой помады.

Серая машина пронеслась мимо.

Раману показалось, что стиснутые ладони его одеревенели, уподобившись перилам балкона. Серой машины след простыл; Павла внимательно осмотрела каменное крыльцо, нашла тюбик, вытерла его о курточку и так вот, с помадой в руке, зашагала прочь.

Раман поспешил к выходу. Бегом пересек квартиру, выскочил на лестницу и спустился вниз, чуть не теряя по дороге домашние тапочки.

Павла Нимробец брела вдаль по улице Кленов. Брела, ничего вокруг не замечая, а Раман Кович стоял у своего подъезда и смотрел ей вслед.

* * *

Сегодня вечером были его любимые «Железные белки».

Он пришел в театр за два часа до начала спектакля; он пребывал в том самом тяжелом состоянии духа, когда всюду – а в особенности за спиной – ему мерещились косые взгляды. Он вошел в театр – и театр как будто бы обомлел.

Улыбка вахтера показалась ему натянутой и чрезмерно льстивой; он погасил ее какой-то мелкой придиркой. Завпост шарахнулся с его пути – тогда он не поленился пройти на сцену и собственноручно проверить декорацию. Нашел изъян, излил раздражение, чуть успокоился; пришел к себе в кабинет, заперся, раскрыл окно, уселся на широкий подоконник.

Весенняя улица роилась, галдела и цокала каблуками. На клумбе напротив огнем горели тюльпаны; день готовился стать вечером, весна готовилась стать летом. На скамейке у служебного входа жизнерадостно курили рабочие сцены, а уборщица меланхолично бродила вокруг стеклянных дверей, подхватывая веником разнообразный весенний хлам; потом к рабочим присоединилась молоденькая девочка-билетерша, мечтающая стать актрисой, и веселье на скамейке достигло своего апогея.

Раман ощутил сильнейшее желание спуститься – разогнать парней по рабочим местам, а девчонке сообщить, что актрисой она не станет никогда, что она бездарна, что ей надо думать совсем о другой специальности, поступать в техникум или институт...

Он превозмог себя. Тремя широкими кругами прошелся по кабинету, уселся за стол, пододвинул к себе чистый лист бумаги.

Пункт первый. Никогда не следует проводить параллели между миром людей и миром Пещеры. Задирая сарну, он всего лишь убивает более слабого зверя. В согласии с собственным инстинктом хищника и в соответствии с ее ролью жертвы...

Он нарисовал на чистом листе жирную единицу и обвел ее кружком.

Неестественность. Вот что пугает. То, что случилось с ним, извращение. Одна ненормальность за другой – сперва троекратный промах... Смог бы он опознать жертву, если бы не упустил ее трижды? Нет. Могла бы она узнать его?.. Определенно не могла бы. По совершенно объективным причинам.

Он пририсовал к нарисованной единице руки и ноги.

И ниже нарисовал почему-то детскую коляску. И еще одну, другой модификации. И еще.

Это здесь, в театре, он может позволить себе ненормальность. Искусству интересны извраты... Сааги должны быть **НОРМАЛЬНЫМИ**. Как нормальны все звери. Прочие просто не доживают до зрелости...

Он вздрогнул. Когда-то в юности он видел в Пещере егеря только раз, но запомнил на всю жизнь. Человекоподобная фигура с железным хлыстом в руках – что может быть страшнее с точки зрения зверя?..

Быть ненормальным режиссером – почетно. Но быть ненормальным саагом...

Раман поехался.

Еще полгода назад он дал согласие поучаствовать в закрытой социологической программе. Пообещал сообщать о каждом случае так называемого «везения» жертвы – и посмеялся про себя, уверенный, что сама встреча с ним исключает какое-либо «везение». И вот... позавчера утром позвонил по условленному телефону и, морщась, изложил суть дела.

Что заставило его снять трубку? Интерес к практической социологии?

Нет. Страх перед ненормальностью. Желание внушить самому себе, что произошедшее – закономерно.

Вежливый голос в трубке чуть утратил самообладание, удивленно переспрашивая: трижды?!

Раман умел улавливать мельчайшие подтексты – и потому, положив трубку, впал в жестокую депрессию. И не успокоился, пока на утренней репетиции не довел до истерики самолюбивую актрисулю, вчерашнюю студентку, талантливую, в общем-то, девчонку...

И, успокоившись, решил, что досадный период его жизни – позади.

И крупно ошибся. Потому что их встреча с Павлой – преступление. Против законов природы. И ему страстно хочется вернуть сегодняшнее утро – избежать столкновения любой ценой.

Интересно, девчонка проболтается?

Интересно, а у психиатрической службы есть каналы, по которым можно отслеживать такие вот... встречи?

Интересно...

Он спохватился и посмотрел на часы – до спектакля оставалось сорок минут.

Он спустился к служебному входу в тот самый момент, когда Клора Кобец, молодая героиня сегодняшних «Белок», закончила милый разговор с вахтером и провела через вертушку долгоязого, сияющего от радости парня. Раман остановился, оперся о дверной косяк и с удовольствием подождал, пока Клора его заметит.

Она заметила. Улыбка улетучилась с ее лица, смылась, будто плохая косметика. Парень еще сиял – он еще не знал Рамана Ковича. Ничего, узнает.

Выждав паузу, Раман обернулся к вахтеру:

– Господин Охрик?..

Вахтер забормотал оправдания; Раман не стал его слушать:

– Я настоятельно просил бы вас помнить, что пребывание любой посторонней особы в служебной части театра чревато для вас взысканием по службе. Лично для вас... Повторять я не стану, господин Охрик. Вас, молодой человек, попрошу покинуть помещение.

Парень глядел на него во все глаза. Он, вероятно, думал, что в храме искусства живут добрые и покладистые боги.

– Господин Кович, – дрожащим голосом вмешалась девушка. – Я хотела заказать билет, входной... Но администрация отказала, я подумала, что если он тихонько постоит на ярусе...

– Выйдите, молодой человек, – сказал Раман холодно. Юноша покраснел до корней волос – и слепо двинулся назад, к вертушке; девушка шагнула за ним – Раман заступил ей дорогу:

– У вас впереди самый сложный спектакль, Клора. Вы явились на полчаса позже, чем предписано. Вы занимаетесь... короче, вам плевать на театр, плевать на зрителя, плевать на меня и уж тем более начхать на искусство... Я огорчен. Все, что я думаю по этому поводу, я скажу потом, а сейчас немедленно идите готовиться... и постарайтесь сосредоточиться. Вперед.

Он проводил ее взглядом – еле сдерживая злые слезы, она тащилась вверх по лестнице, и рядом волочился по ступенькам сдернутый с шеи цветастый шарф.

Перед «Голубым Рогом» он ничего не сказал бы ей. Там совсем другая работа... А вот перед «Белками» ее надо вздрючить. Надо хорошенько завести – иначе она не потянет ритма...

Его настроение чуть улучшилось; он поднялся в кабинет, выпил чашку кофе, потом прикинул расписание репетиций на будущую неделю, потом позвонил бывшей жене и достаточно мило поболтал с сыном. Связался с администраторской, убедился, что «Железные белки» распроданы на два месяца вперед, удовлетворенно кивнул и отправился в зал.

Публика, сплошь приличная и респектабельная, густо заполнила партер, и непреклонная старушка с программками гнала на верхний ярус «заблудившуюся» парочку студентов с вход-

ными билетами. Раман прошелся по фойе – за стеклянными дверями спрашивал «лишнего билетика» изгнанный долговязый юноша, и на лице его было отчаяние.

«Белки» пошли хорошо.

Раман сидел в директорской ложе – справа от сцены; Клора Кобец работала пристойно, на нерве, но без нажима. Привычно фиксируя мелкие неточности и «блохи», Раман, сам того не замечая, щелкал пальцами, помогая поддерживать ритм. Метроном, метроном, метроном...

Потом он на некоторое время увлекся, любуясь своим детищем – точным, граненым, как алмаз, прозрачным и жестким спектаклем; потом из третьего ряда выбрались две фигуры и крадучись поспешили к выходу, у дверей их нагнали еще две; Раман поморщился – да, «Железные белки» требуют подготовленного зрителя. Хорошо бы не бегать по залу, мешая соседям, хорошо бы дождаться антракта и спокойно уйти...

Он снова попытался сосредоточиться – но с этого момента мысли его пошли вразнос, будто буйные пьяницы. Неисповедимые кривые дорожки вели их все дальше и дальше от разворачивающегося на сцене действия; Раман думал о женщине с коляской.

Когда родился сын... Они с тещей купили клеенчатую, простенькую сине-лиловую коляску. Отцам приличествует испытывать гордость, впервые выходя на прогулку с родимым свертком на четырех колесах, но Раман помнил только усталость и страх. Он решительно не знал, что делать, если малыш закричит.

И он кричал. Ох как он однажды кричал! Раман шел домой по сотне незнакомых улиц, не шел – бежал, толкая коляску, будто возок с мороженым, и встречные женщины смотрели на него как на палача...

Коляска. Коляска...

На сцене застыла четко выверенная мизансцена; Раман всегда злился, когда героиня не попадала в нужную точку, но сегодня Клора Кобец замерла именно там и тогда, где и когда это было предписано. Раман самодовольно улыбнулся – нагоняй не прошел даром, гонять их надо, гонять...

Коляска.

Молодая мама на той стороне перекрестка, резко поднимающая складной капюшон коляски. Серая машина, срывающаяся с места...

Мизансцена.

Три объекта, три точки – девушка Павла, ступающая с тротуара на мостовую, молодая мама... Машина. Водитель не видит за углом Павлу – но женщину с коляской он видит отлично, а зритель, наблюдающий с балкона, случайный зритель Раман видит всех троих...

Он потерял интерес к спектаклю. Великолепный механизм, сконструированный им до мельчайшей детали, до секунды, до нюанса, машина его лучшего спектакля катилась и катилась сама по себе, и он уже знал, что завтра, против обыкновения, не станет делать актерам замечаний...

Ну какого пса, как это вообще может быть – специально направлять автомобиль на человека? Да еще на девчонку? Непостижимо...

Скверные фантазии.

На будущей неделе, никуда не денешься, придется решать вопрос с увольнением. Труппа перегружена, как минимум пятерых – за борт, а крику-то будет, крику...

Возможно, Павлу Нимронец попросту с кем-то перепутали?..

Ее выслеживали у его дома. И это обстоятельство вдруг показалось ему зловещим. Потому что темная личность Павлы – это ее дело, но зачем втравливать в эту историю постороннего человека? Какое ко всему этому отношение имеет ОН?

Он вспомнил, как эта странная девчонка стояла посреди комнаты, прижимала к груди «дипломат» и бормотала, глядя в пол: «О человеке и его страхах...»

Раман вздохнул.

Спектакль, сделавший ему имя. «Девочка и вороны». Где-то в пыльном шкафу хранится толстая папка с газетными статьями – чуть не каждый критик посчитал своим долгом отметить. Compliments и славословия, полдюжины версий, и все это так умно, так профессионально, правильно и ярко...

Ни одна собака не знает, что в пору работы над спектаклем Рамана одолевали непонятные страхи. Он боялся высоты, темноты, лифта, метро... Даже подумывал о врачебной консультации...

И все прошло на другой день после премьеры. В то самое утро, когда он проснулся знаменитым.

И, оставшись тайной для критиков, все это каким-то образом открылось школьнице Нимробец. «Лучший ваш спектакль...»

На сцене шел напряженный диалог, финал первого действия; Раман положил локти на синий бархат ложи. Внутренний метроном подсказывал ему, что драгоценный ритм не утрачен, но удовольствия не было. Было раздражение.

Ему казалось, что совершенная машина его лучшего спектакля катится мимо, презирая и партер, и галерку, и своего собственного создателя.

* * *

Пространство Пещеры виделось ему в постоянном движении – пульсирующие сосуды переходов, перегоняющие по ярусам теплую жизнь. Он двигался, перетекая из коридора в коридор, пропуская через себя сотни запахов, безошибочно распознавая следы на сочном, недавно примятом мхе.

Миновали долгие ночи воздержания, и кто знает, сколько пустых ночей у него впереди; но сегодня, он чувял, наконец-то будет удача.

Сегодня он поохотится.

От водопоая поднимались две сарны. Он видел их будто глазами: самка и самец, немолодые, испуганные близким присутствием хищника; ничто не подтверждало этого присутствия, ни движение и ни звук, сарны чувяли его одной лишь интуицией...

Он дернул ноздрями. Сарны пахли страхом – от этого запаха у него обычно мутилось сознание. Притаиться и кинуться; догонять, ощущая, как вязнет в секундах приговоренная жертва – и как то же самое, дробленное на мгновения время стекает по жесткой саажьей шкуре, не причиняя вреда, не успевая удержать...

Белая вспышка в мозгу. Опыянение; повалить в заросли коричневого мха, держать за горло, пока длится агония, держать, держать...

Иное чувство, похожее на внезапную тошноту, остудило его совсем уж сформировавшийся порыв. Ноздри дрогнули, будто уловив запах дохлятины.

Сарны.

Сегодня он не желает крови сарн.

Он не знает почему, но сегодня он будет охотиться на тхолей. Тхоли не столь совершенны в своем стремлении к спасению, тхоли мелки и в большинстве своем безмозглы, но мысль о сарне вызывает у него отвращение. Сегодня...

И он потек коридорами прочь; миновал грот, где свисающие с потолка сталактиты и тянущиеся им навстречу сталагмиты превращали Пещеру в исполинское подобие его собственной клыкастой пасти. Красота застывшего камня не очаровала его – потому что в этот самый момент издалека, из влажной тьмы, явственно запахло тхолем.

* * *

Лора посмотрела на нее с сочувствием.

Сегодня на нее все смотрели с сочувствием – дверь кабинета была приветственно распахнута, и Раздолбеж ожидал.

Павле ничего не оставалось делать – она вошла; шеф ее, непривычно благостный и мягкий, парил в сигаретном дыму, как привидение.

– Сядь-ка, Нимробец.

Боится, что при горестной вести я не удержусь на ногах, мрачно подумала Павла.

– Что ты так смотришь на меня, Нимробец? Или ты думаешь, что большие печальные глаза – единственное, что необходимо тележурналисту?

Павла села на предложенный стул и нервно закинула ногу на ногу. Внимательно оглядев ее, Раздолбеж криво усмехнулся:

– Ты зря нацепила эту юбочку. Твои голые коленки меня не растрогают.

Павла вспыхнула. Мини-юбку она надела потому только, что сегодня утром Митика привел в негодность ее рабочие джинсы; конечно, объяснять это Раздолбежу было ниже Павлиного достоинства.

– Итак. – Раздолбеж с отвращением отхлебнул из привычной кофейной чашечки. – Итак, мы имеем ассистентку Нимробец, в активе у которой глаза и коленки, а в пассиве... ГДЕ кассеты от Ковича?! Ты должна была принести их ВЧЕРА!..

Павла втянула голову в плечи.

При мысли о Ковиче вспоминались почему-то не сааг, не кассеты и не пыльная, в столбах солнца квартира – вспоминался тюбик помады, валяющийся в щели между кирпичиками тротуара. И помада-то, честно говоря, дешевенькая. И почти полностью израсходованная, сточенная до тупого пенька...

Сегодня утром Митика взял брусочек красного пластилина, растопил на сушилке для полотенец и подложил тетке на табуретку – в тот самый момент, когда погруженная в себя Павла усаживалась за стол. Пластилин расплющился, как красная шляпка сыроежки, и значительная его часть осталась на Павлиных штанах. Митика отделался строгим выговором, штаны остались мокнуть в тазике с моющим средством...

– Ты слышишь меня, Нимробец?

Павла опустила голову. Мысль о расплавленном пластилине то и дело сменялась мыслью о саажьей сущности режиссера Ковича.

– Мне очень жаль, Нимробец, но тебе придется делать карьеру где-нибудь в другом месте.

Раздолбеж постоял, изучая ее склоненную голову; широко шагая, подошел к захламленному столу, выудил из кипы бумаг одинокий, зловещего вида листочек.

– Распоряжение о твоем увольнении. Копию отнесешь в бухгалтерию, получишь свои деньги и сделаешь так, чтобы больше мы не встречались.

Павла подняла голову; Раздолбеж возмущенно уперся руками в бока:

– Плакать раньше надо было! Где кассеты от Ковича? Где? Где?! По какому праву ты срываешь мне творческий процесс, ты, которая самостоятельно не умеет и шага ступить?! Не умеешь раскрыть рта, не умеешь договориться с человеком, об инициативе я не говорю – с козла молока не требуют...

Павла смотрела на него сквозь набегающие слезы; Раздолбеж виделся то круглым и толстым, как облако, то длинным и узким, как ножка смерча.

Тюбик помады в щели тротуара...

Скотина Митика. Поймать и надрать уши – только неохота связываться со Стефаной...

– Что же мне теперь делать?.. – спросила она, и голос плохо ей повиновался.

Раздолбеж отвернулся:

– Найти работу, где не надо думать головой. Где можно думать голыми коленками... Ничем не могу помочь тебе, Павла. Мозги не покупаются.

От обиды она заревела уже откровенно; Раздолбеж воздел палец, собираясь сказать нечто нравоучительное, и в этот момент зазвонил телефон.

Покосившись на Павлу – ее судорожные всхлипы могли придать телефонному разговору нежелательный фон. – Раздолбеж обошел вокруг стола и поднял трубку; Павла на короткое время оказалась предоставлена самой себе. Скрючившись на стуле и размазывая по щекам потеки черной туши, она лелеяла в душе единственное желание – добраться до туалета, запереться в кабинке и там выплакаться вволю, не думая ни о чем и никого не стесняясь. Добраться бы, какая бы добрая сила перенесла ее сквозь стены, прямо сейчас...

Верная приличиям, она все-таки сдержала плач – и потому смогла услышать, как говорит по телефону Раздолбеж. Говорит, не умея скрыть удивление.

– Да? Да, конечно, и «Железные белки»... Гм. Собственно, если бы я знал сразу... А? Да, безусловно, талантливая и перспективная... Н-нет. Я, видите ли, еще не успел... О да. Я хотел бы ознакомиться с ними сегодня... Вечером? Хм, ну что же, тогда завтра утром я отберу и позвоню вам... Нет. Конечно, нет. У нас в редакции исключительно дружеская, доверительная атмосфера... Безусловно, я передам ей ваше лестное мнение. Да, спасибо, до встречи...

Трубка уже пищала короткими гудками, а Раздолбеж все еще стоял, будто не решаясь положить ее на рычаг. Будто это было ответственным делом, требующим с его стороны душевного усилия.

Павла молчала – растрепанная, с потеками туши на мокром лице, с бесформенными, жалобно развешенными губами.

– Господин Кович просил извинить его, – строгим голосом сообщил Раздолбеж. – Он так ответственно подошел к отбору материалов, что не смог передать их вчера. Зато теперь, надо полагать, господин Кович предоставит нам в пользование чуть не весь свой видеоархив... Господин Кович выразил восхищение профессионализмом и обаянием посланной к нему Павлы Нимрбец, ему было очень интересно говорить с ней о театре... Теперь я спрашиваю, Павла, – какого черта надо было морочить мне голову?! Почему вы сразу не сказали...

Павла горестно всхлипнула:

– Так вы же ни о чем меня не спрашивали, господин Мырель...

Ей показалось, что этими словами она вступила в негласный сговор с Раманом Ковичем, который наплел Раздолбежу невесть что. Зачем? Чтобы выручить ее, Павлу?.. Сарну?!

Заговор саага и сарны – против злобного телевизионного шефа... Павла усмехнулась – сквозь слезы.

Раздолбеж помолчал. Раздраженно отхлебнул кофе, поморщился, поставил чашку на приказ о Павлином увольнении – так, что посреди ценного документа остался коричневый след-ободок.

– Значит, так, Нимрбец... Он просил приехать за материалами после спектакля. После сегодняшнего спектакля, в театр, в десять вечера... Ты поняла?..

Павла не поняла ничего – но надо было кивнуть, и она кивнула.

* * *

Сенсоры, приклеенные ленточками пластыря, мешали. Их было полным-полно – на лбу и шее, на висках, на запястьях и даже на затылке; кожа зудела все сильнее и сильнее, и почесать ее не было никакой возможности.

– Не двигайтесь, испытываемая. Не шевелитесь – идет искажение на выходе...

Павла стиснула зубы.

После обеда ее подстерег в «стекляшке» Дод Дарнец – и, сладкий как мед, уговорил «попробовать поработать». Работы, по его словам, было на час от силы, причем интересные занятия и симпатичные люди не заставят Павлу скучать, а по окончании тестирования специальная машина доставит ее в любое указанное место. Павла похлопала ушами и со вздохом согласилась. Все равно ей некуда было девать время.

«Интересные занятия» обернулись стаей сенсоров, противно липнувших к телу, и бесконечной серией глупейших вопросов. Сколько времени это длится? Два часа? Три? Перед началом «испытания» Павле предложили снять с запястья часы, и теперь она видела перед собой только унылую стену, обитую пробкой, да склоненную плешивую голову круглого человечка в белом халате – представителя «симпатичных людей». Кресло, неприятно напоминающее зубо-врачебное, давно надавило ей спину и намозолило зад.

– Лягушки очень противны, – плешивый экспериментатор нудил, не поднимая головы; на любой вопрос Павле полагалось отвечать только «да» или «нет».

– Реагируйте быстрее... Лягушки очень противны.

– Нет, – сообщила Павла раздраженно.

– Красный цвет вызывает усталость.

– Нет!..

– Я всегда без страха прикасаюсь к дверной ручке.

– Д-да, – запнулась Павла.

Плешивый человечек оставался равнодушным; руки его автоматически тарабанили по маленькой клавиатуре.

– Я спокойно отношусь к страданиям животных.

– Нет!..

– Раз в неделю у меня бывает запор...

– Нет!..

– Телеграфные столбы наводят на мысль о сексуальной агрессии...

– Нет!!

Экспериментатор поднял взгляд – тусклый, абсолютно отстраненный, будто в зубо-врачебном кресле перед ним сидела не живая разъяренная девушка, а некое условное, гипотетическое существо, вполне равнодушное и к лягушкам, и к красному цвету, и к телеграфным столбам.

– Идет искажение на приборы, – сообщил экспериментатор укоризненно и печально. – Последнюю серию придется повторить. Сосредоточьтесь: крупные автомобили предпочтительнее мелких.

Павла молчала.

Ей и самой непонятно было, почему она до сих пор покорно играет в эту тягостную, нудную, неприятную игру. Почему она до сих пор не сказала – хватит? Сперва она ждала, что все это вот-вот прекратится, и тогда можно будет уйти тихонько, без конфликта, и в следующий раз со спокойной совестью отказаться от тестов...

Воистину ее способность влипать в неприятности изрядно превосходит все прочие ее способности. Это Раздолбеж верно заметил...

– Испытуемая, почему вы молчите?

В тоне плешивого экспериментатора скользнуло возмущение. Как будто Павла ему задолжала.

Она опустила голову. Что проще – дотерпеть до конца и уже больше никогда сюда не приходиться? Или высказать... объяснить этому человечку, что она не морская свинка?

– Я вам не морская... – начала она и запнулась. Она не любила дерзить – просто раздражение перехлестывало через край.

– Крупные автомобили предпочтительнее мелких, – повторил экспериментатор не терпящим возражений тоном.

Павла покусала губу:

– Нет.

Свитер на ее спине представлялся сплошной жесткой мочалкой. Хотелось заорать и что есть силы хватить кулаком по подлокотнику; экспериментатор нудил и нудил, казалось, страдания Павлы доставляют ему удовольствие.

– Вид лимона вызывает ощущение тепла.

– Нет...

– Я всегда читаю газетные передовицы.

– Нет...

– Маленькие дети назойливы.

Павла вспомнила Митику.

– Знаете что, – сказала она с ненавистью, – на сегодня, пожалуй, хватит.

Плешивый поднял брови:

– Испытуемая...

– Я вам не испытуемая! – рявкнула Павла, пытаясь выцарапать из объятий кресла. Это оказалось неожиданно сложно – руки затекли, а переплетения хлипких на вид проводов оказались цепкими, будто силки, и Павла боялась испортить свитер. Плешивый холодно наблюдал за ее попытками, потом надменно выпятил подбородок:

– Учтите, пожалуйста, что это оборудование стоит дороже, чем весь ваш телецентр...

Мне непонятно ваше раздражение – соглашаясь на эксперимент, вы брали на себя некоторые несложные обязательства, разве не так?

– Несложные? – Павла сама чувствовала, как дрожит ее голос. – Ваши idiotские... несложные?!

– Возьмите себя в руки! – В голосе плешивого окреп ледок. – Иначе придется признать, что тест на психическую уравновешенность показал крайне отрицательные результаты.

– Мне плевать!.. – Какой-то проводок, зацепившись клеммой, выдрал-таки нитку из Павлиного рукава, и вязаный узор провис огромной безобразной петлей. Павла закусила губу, чтобы не расплакаться. Она сама виновата, ее idiotская нерешительность – ЧТО ее заставило притащиться сюда?!

– Прекратите истерику, – сказал плешивый с отвращением. – Раз в жизни вам представился случай сделать нужное для людей дело...

От обиды Павле даже расхотелось плакать. Низенький экспериментатор не принимал всерьез ни ее работу, ни сам факт ее, Павлы, существования; по его мнению, единственно полезными для людей были только он сам да еще подопытные крысы, упакованные в зубврачебное кресло...

Плешивый принял ее онемение за готовность к работе. Или просто воспользовался минутной слабостью жертвы – выбрался из-за своего пульта, подошел к Павле, по-хозяйски поправил сорванные датчики:

– Поначалу вы производили куда более благоприятное впечатление. Возьмите себя в руки и постарайтесь понять, что ваш каприз – это всего лишь ваш каприз. – Толстый лист пластыря лег ей на правое запястье.

Павла ощутила себя по-настоящему беспомощной. Как частенько говаривала Стефана, «грузят на того, кто готов нести». Стефана никогда бы не позволила втянуть себя в какую-то дурацкую историю. А даже и втянувшись, умела бы сказать «нет», да так, что и плешивый экспериментатор услышал бы...

Бесшумно приоткрылась дверь. То есть Павла двери не видела, но ощутила мгновенный сквознячок, прохладно лизнувший ноги. Плешивый поднял голову и неприязненно уставился Павле за спину.

– Что-то вы долго, – сказал некто невидимый, и голос у него был низкий, как у океанского теплохода, но если теплоход вопит во все горло, то вошедший говорил негромко, почти что шепотом.

– Мне хочется сделать работу, – наставительно отозвался плешивый. – Сделать работу как можно лучше, а не побить рекорды по скорости...

Дверь прикрылась, и Павла испугалась, что человек с низким голосом удовлетворился ответом плешивого и ушел, оставив все как есть; секунду спустя она поняла, что ошиблась: невидимый собеседник плешивого закрыл дверь, оставшись в комнате.

Плешивый тем временем прошествовал к своему пульта, поднял на Павлу взгляд – и глаза оказались совсем уж неприязненными:

– Продолжим... Ношение темных очков приводит к импотенции у мужчин.

Павле вдруг сделалось смешно.

Может, потому, что плешивый задал свой дурацкий вопрос с преувеличенно серьезным видом, а может, потому, что в лице нового, невидимого человека она почувствовала вдруг поддержку, но она рассмеялась и еле выдавила сквозь смех:

– Ну... это... смотря... у каких... мужчин...

– Что смешного?! – заорал экспериментатор, причем достаточно грубо. – Если ваших умственных способностей хватает только на это, потрудитесь свою глупость скрывать!..

– Это лишнее, – негромко сказали у Павлы за спиной. – Совершенно излишние слова, Борк.

Она наконец-то увидела человека с низким голосом – широкую спину под коричневой замшевой рубашкой. Вошедший обогнул ее кресло и направился к пульта. Встав за спиной плешивого – тот доходил ему едва до плеча, – поднял взгляд на Павлу; лицо у вошедшего было чуть асимметричным, узким и смуглым, и неожиданно светлыми казались глаза – ярко-зеленые, пристальные и рассеянные одновременно. Павла даже удивилась, как этот взгляд ухитряется сочетать несочетаемое. И поежилась.

– Некорректные показания, – сообщил незнакомец, изучив наконец Павлу и скользнув взглядом по пульта.

Плешивый надулся:

– Потому что очень трудно с ТАКИМИ работать!

– Ну так и облегчите себе работу, – сказала Павла из кресла. – Я к вам в подопытные не набивалась...

Незнакомец наградил ее мимолетным зеленым взглядом, а экспериментатор покраснел, и даже плешь его сделалась лиловой.

– Заканчивайте серию, Борк, – сказал незнакомец вроде бы рассеянно, но Павле сразу же стало ясно, что плешивый Борк ходит у него в подчиненных. И что начальник Борком доволен.

Экспериментатор, по-прежнему красный, вскинул на Павлу воинственный взгляд:

– Ношение темных очков приводит к импотенции у мужчин!

Павла встретилась с глазами незнакомца. Стиснула губы, пытаясь удержать на лице серьезную мину:

– Не-ет...

– Кошки белой масти часто страдают глухотой!

Павла замешкалась, озадаченная вопросом, в этот момент незнакомец за спиной у плешивого чуть прикрыл глаза.

– Да! – сообщила Павла радостно. Ей действительно было приятно – будто на важном экзамене ей неожиданно и ловко подсказали.

– Вечерние сумерки вызывают тревогу!

– Нет! – рывкнула Павла, глядя на незнакомца.

– Использование жвачки неэстетично!

– Да!

– Цветное постельное белье предпочтительней белого!

Павла снова замешкалась – незнакомец чуть качнул головой.

– Нет, – с гордостью сообщила она плешивому. – Ничуть.

– Серия закончена, – скучным голосом объявил экспериментатор не Павле и не смуглому, а, скорее, собственной клавиатуре.

– Я свободна? – жизнерадостно поинтересовалась Павла.

Плешивый Борк засопел, протопал к Павлиному креслу и принялся снимать сенсоры. Павла сразу же зашипела от боли, потому что с первым же пластырем лишилась десятка волос на руке, тонких и невидимых, но вполне, как оказалось, осязаемых.

– Осторожнее... Давайте уж я сама...

Зазвонил телефон; Борк бросил Павлу и поспешил к трубке, некоторое время в тишине комнаты слышалось только его хмурое бормотание:

– Нет... По-видимому. Обработка данных... наперед сказать... так и назначьте ему на семь...

Павла горестно смотрела на безобразную петлю, свисающую из рукава ее нового свитера; тем временем незнакомец молча приблизился и стал снимать с нее прищепки и пластыри, удивительно быстро и ловко, она поразилась, какие у него теплые руки, и испугалась, что он почувствует исходящий от нее запах пота – она так намаялась в этом кресле, как после бега на длинную дистанцию...

– Вставайте.

Она уцепилась за предложенную ладонь; в первый момент у нее закружилась голова, спустя секунду она с запозданием поняла, что пора посетить туалет.

– Я... – Она разыскала под креслом свою сумку, опасливо покосилась на плешивого Борка, потом на дверь. – Мне бы...

– Идемте.

Комната казалась оборотнем – половина ее была обставлена как шикарный кабинет, но за полупрозрачной матовой занавеской угадывались белые и никелированные, зловеще-больничные очертания. Павла обеспокоилась; незнакомец по-приятельски ей кивнул:

– Не любим врачей?

– А за что их любить? – пробормотала Павла смущенно.

– Как посмотреть, – усмехнулся незнакомец. – Вас зовут Павла Нимробец. Меня зовут Тритан Тодин... Просто Тритан. И я не врач. Я эксперт.

– Очень приятно, – сказала Павла неуверенно.

Десять минут назад – в туалете – она облила себя дезодорантом, даже, кажется, чуть переборщила; умылась, причесалась, напудрилась и подкрасила губы – все в лихорадочной спешке. И все равно знала, что выглядит сейчас не лучшим образом. А как может выглядеть женщина, которой три часа морочили голову, – а потом прилюдно обозвали дурой?!

Она поерзала, уstraиваясь в глубоком кожаном кресле – собственная мини-юбка теперь казалась ей особенно неуместной.

– Жалеете, что пришли к нам?

Человек по имени Тритан ждал, по-видимому, искреннего ответа. Павла вздохнула:

– Жалею.

Тритан улыбнулся снова:

– Наша вина... Моя вина.

– Вы-то тут при чем? – неуверенно спросила Павла.

Тритан уселся за стол, выдвинул ящик:

– При том...

В руке его оказалась упаковка одноразовых шприцев. Павла отшатнулась. Здрасьте, из огня да в полымя...

– При том. – Тритан поднялся, выковыривая из упаковки тонкую длинную иглу. – При том, что надо было заранее предполагать... Давайте руку.

Павла отпрянула; Тритан засмеялся, поймал ее за рукав свитера, ткнул иглой, ловко втянул обратно пострадавшую петлю, так что от порчи не осталось и следа:

– Ну вот...

Павла провела по рукаву ладонью. Даже рукодельница Стефана вряд ли справилась бы лучше.

Тритан вернулся к столу, небрежно уронил иглу в пластмассовую корзину для мусора.

– К сожалению, первый ваш опыт работы с нами оказался неудачным... И это почти трагично, Павла. Потому что вы очень ценный сотрудник.

– Я не сотрудник, – сказала Павла горестно. – Я этот... кролик подопытный. Вот...

– Вы больше не будете работать с Борком, – сказал Тритан, и его голос сделался совсем уж низким, соскользнул на крайний для человека регистр.

Павла напряглась. Ей очень не хотелось огорчать Тритана, но...

– Я... извините, что так получилось, но я вообще больше не хочу тут работать. У меня своей работы по горло... Времени нет совсем, да и вообще...

Тритан вскинул свои зеленые глаза – округлившись от удивления и обиды. Хотел что-то сказать, но опустил голову, так и не проговорив ни слова.

– Мне очень жаль, – сказала Павла дрогнувшим голосом. И обозлилась на себя – надо же, как быстро забылись зубоврачебное кресло, сенсоры-присоски и бесконечные дурацкие вопросы. Ей, видите ли, неприятно огорчение этого Тритана. Которого она видит, между прочим, первый раз в жизни.

Тритан рассеянно провел ладонью по своим коротким темным волосам:

– Павла... У меня к вам будет совершенно личная просьба. Выслушаете?

Она нервно расстегнула замок на сумочке – и защелкнула его снова.

– Я попрошу вас поработать... Еще хоть один сеанс. Не с Борком. Со мной...

...Ресторанчик «Ночь» утопал в свечах.

В глубоком подвале не было ни единого окна и ни единой лампочки. Свечи лепились к стенам, каждый столик снабжен был парой канделябров. Павле страшно было подумать, сколько возни со всем этим горящим и оплывающим хозяйством, но зато ресторанчик имел собственное исключительное лицо.

– Что мне нравится, Павла, так это возможность свободно обращаться со временем суток. Посидел среди ночи – выходишь в день или вечер...

– А, извините, который час?

– Полседьмого. Вы спешите?

– Нет...

Павла была совершенно свободна до десяти вечера, времени встречи с Ковичем, и потому предложение Тритана перекусить оказалось как нельзя кстати.

– Так вот... Вы себе не представляете, какие потрясающие механизмы соединяют нас-дневных с нами-в-Пещере... Не прямолинейные. Не однозначные, не всегда явные. Это интереснейшая структура, Павла, я могу говорить об этом часами, но боюсь, что вам скучно или неприятно... А?

– Нет, – сказала Павла тихо.

Собственно, Тритан был первым в ее жизни человеком, с которым она могла говорить о Пещере, не мучаясь при этом неловкостью либо откровенным стыдом. Она тщетно пыталась понять, почему так получается; возможно, причиной полная естественность Тритана. Естественность и легкость. Этот человек полностью открыт и не испытывает от этого стеснения, он легкий – и с ним легко...

– Тритан, а можно мне шоколада со сливками?..

Ну с каким другим мужчиной, ни с того ни с сего приведшим ее в ресторан, она решилась бы на такую невинную непосредственность?!

И кому другому рассказала бы за один вечер столько, сколько даже ближайšie приятели о ней не знали?

Что было, когда пятнадцать лет назад погибли родители. И что это за человек в Павлиной жизни – Стефана...

Тритан качнул подсвечником, подзывая официанта; на скатерть посыпался дождь из цветных восковых капель.

– Шоколада со сливками? Сколько порций?

Какой у него странный взгляд. Сочетающий несочетаемое.

– Может, теперь вы хотите меня о чем-нибудь спросить, а, Павла? Спрашивайте. О чем угодно.

О чем угодно...

О его семье? О его жизни?..

Она перевела дыхание. Он терпеливо ждал.

– Тритан, – сказала она шепотом, глядя, как сложно переплетаются в вазочке коричневые струи жидкого шоколада и белые потоки сливок. – Я такая невезучая в жизни, потому что невезучая в Пещере, да?..

– А кто вам сказал, что вы невезучая?..

Тритан неторопливо помешивал кофе, Павла невольно улыбнулась. Неужели того, что она о себе рассказала, недостаточно, чтобы это понять?..

– Тритан... Я... Я надеюсь, ТОТ больше не станет... ну...

– Не станет, – ответил он серьезно. – Все будет совершенно в порядке.

Павла ощутила жгучее желание рассказать Тритану про встречу с режиссером Ковичем. Про то, что они друг друга УЗНАЛИ.

И еле удержалась. И решила обязательно признаться – только в другой раз.

* * *

В половине десятого шикарная машина подвезла Павлу к служебному входу в Театр психологической драмы. Подвезла и уехала – идти на встречу с Ковичем было рано, и потому Павла неспешно прогулялась вдоль фасада, рассматривая рекламные щиты и поочередно уничтожая конфеты, которыми угостил ее новый знакомый. Тритан...

Она бродила под фонарями и рассеянно улыбалась. И, вспоминая журналиста Дода Дарнеца, втянувшего ее во всю эту историю, не испытывала прежнего раздражения.

Потом ее мысли обрели иное направление; с огромных фотографий на нее смотрели персонажи всех спектаклей театра – большая их часть поставлена была самим Ковичем, а меньшая – очередными режиссерами, его придворными, выкормышами, похожими на шефа как две капли воды, только эти дочерние капли были помельче и помутнее... Сегодня был один из второстепенных спектаклей, «Коровка», лирическая комедия, и Павла без труда нашла ее рекламный плакат; фотографий из «Девочки и воронов» не было нигде. Спектакль снят со сцены года четыре назад. Павла вспомнила, как когда-то, давным-давно, часами простаивала

перед щитом с афишей, она до сих пор помнит место, где та висела и где сейчас пестреет реклама «Железных белок»...

Потом она окончательно выскользнула из того счастливо-сомнамбулического состояния, в которое ее ввел ресторанчик «Ночь». И как-то ненароком вспомнила, что ей предстоит встреча не столько с постановщиком «Девочки и воронов», сколько с этим...

«С саагом, – сказала она себе, перешагивая через все второстепенные размышления. – С саагом, дорогая, с твоим персональным саагом».

Сам собой подобрался живот. Хорошо, что был в ее жизни ресторанчик «Ночь»; страшно подумать, если бы всю вторую половину дня ей пришлось сосредоточенно ждать предстоящей встречи...

Часы над театром показывали без пяти десять, когда на улицу высыпала наладившаяся зрелищем публика – воодушевленная молодежь, степенные пары, считающие посещение премьер своим первейшим долгом, даже какие-то детишки с родителями. Павла стояла и смотрела, как все эти беззаботные люди растекаются по улице вверх и вниз, переходят дорогу, сворачивают за угол, спускаются в метро... Почти все они были уверены, что здорово провели время. Павла же считала «Коровку» дурацкой поделкой, больше ничем. И человек, поощряющий таких «Коронок» на сцене вверенного ему театра, глубоко презирает публику. И оказывается прав – потому что публика, обманутая, в восторге...

Без пяти десять Павла позвонила Стефане и просила не волноваться, выслушала лекцию об «этих дурацких ночных поручениях» и обещала вернуться к одиннадцати; ровно в десять она переступила порог служебного входа и глухо обратилась к старичку на вахте:

– Мне господин Кович назначил встречу. Подскажите, куда мне пройти.

Старичок засуетился, поднял трубку старенького телефона, заговорил почтительно, чуть ли не подобострастно, потом кликнул парнишку, скучавшего на скамеечке, и велел проводить.

Парнишка проводил. И указал Павле на дверь кабинета со строгой табличкой – указал издали, будто само приближение к логову главрежа было чем-то для него чревато.

Шествуя к этой двери – по красной ковровой дорожке, будто Администратор к самолетному трапу, – Павла успела подумать, что ничего страшного, что вся эта история с кровожадным саагом закончится через десять минут. Она возьмет кассеты, поблагодарит...

Разумнее было бы, если бы Кович догадался оставить кассеты вахтеру. Разумнее... и удобнее. И гуманнее, между прочим.

А ПОЧЕМУ он захотел именно личной ВСТРЕЧИ?!

Такой простой вопрос, такой важный, сам собой напрашивающийся, такой естественный пришел к ней только сейчас. Когда она подняла руку, чтобы стучать.

И потому рука повисла в воздухе. Со стороны могло бы показаться, что посреди пустынного коридора Павла голосует, пытаясь поймать такси.

Столько мусора в голове... Раздолбеж... Расплавленный пластилин Митики, Дод Дарнец, Центр психологической реабилитации, «лягушки очень противны»...

О такой забавной мелочи не успела подумать. А теперь поздно.

Она перевела дыхание. И подумала: «Все равно. Возьму кассеты, уйду и больше никогда не увижу...»

Эта мысль придала ей смелости.

Павла стукнула в черную дерматиновую обивку – звука не получилось никакого, ее палец будто утонул в вате, но не бить же кулаком; она постояла, раздумывая, как еще можно сообщить о своем приходе, и в этот момент дверь распахнулась.

Почему-то Павла воображала, что Кович встретит ее все в том же свитере и в тех же спортивных штанах; теперь он стоял на пороге в белой рубашке и мятых летних брюках, а вместо ворсистых тапочек были желтые спортивные туфли. И опять-таки ничего саажьего не было в аскетичном, слегка желтоватом лице, но Павла отступила. Невольно. Автоматически.

Но и Кович отступил тоже. Будто в актерском упражнении под названием «Зеркало»; Павла посмотрела на его руки, надеясь увидеть в них кассеты. Одно движение – протянуть руку – взять – попрощаться – повернуться – уйти...

– Привет, Павла. – Режиссер Кович был, похоже, еще и неплохим актером, а потому слова его прозвучали совершенно естественно. – Входи...

– Я спешу, – сказала она быстро.

Он, кажется, помрачнел:

– А я не задержу тебя... Пять минут ведь у тебя есть?

Павла помедлила и вошла.

Рабочий кабинет Ковича разительно отличался от его квартиры. Он был тесноват и содержался в порядке. Даже макеты декораций – а их, громоздких, было штук пять – наводили на мысль не о складе, а скорее о музее либо выставке.

– Я спешу, – повторила Павла как заклинание.

Кович прошелся вокруг стола, где среди бумаг и самодельных переплетов возвышалось нечто, прикрытое белым полотенцем; вздохнул, смерил Павлу вопросительным взглядом, взялся за край ткани, будто намереваясь открыть памятник.

Под полотенцем оказалась бутылка коньяка, два изящных стаканчика и пара тарелок – одна с бутербродами, другая с конфетами. «Везет мне сегодня», – тупо подумала Павла.

Кович молча откупорил бутылку; Павла невольно потянула носом – она любила коньяк, но слишком мало разбиралась в нем и не могла считаться ценительницей.

– На.

Павла приняла из его рук наполовину наполненный стаканчик. Отказываться было неудобно... неблагородно было отказываться. У Ковича было сейчас такое болезненное лицо, будто он собирался пить на собственных поминках.

– Павла... Твое здоровье.

Она подумала, что в рамках сложившихся обстоятельств его тост звучит двусмысленно. Отхлебнула, как воду, раз, другой и третий – и на последнем глотке поперхнулась, закашлялась, краснея и стряхивая с глаз навернувшиеся слезы.

– Скажи честно, Павла... – Кович помолчал, ожидая, пока она откашляется. – Скажи честно, почему тебе не нравятся «Железные белки»?

«Мне бы твои проблемы», – подумала Павла устало.

– Отчего же не нравятся? Нравятся...

Кович вздохнул:

– Хорошо... За что тебе нравилась «Девочка...»?

Коньяк привольно разливался внутри Павлы, согревая и расслабляя, снимая стресс; сколько их было, стрессов, за сегодняшний длинный день?!

– «Девочка...» – Она искала, куда сесть, опустилась на низкую мягкую скамеечку. – Я смотрела раз двенадцать... В первом составе три раза, остальные во втором...

Кович напрягся:

– Почему?

– Потому что он был свободнее. – Павла смотрела в открытую форточку, туда, где горели в прямоугольном переплете две острых весенних звезды. – Как цепь... все звенья свободные, а держат крепко. Так и так ее поверни, она останется цепью... Не порвется... И приведет куда надо... Железная палка – тоже неплохо, но она... некрасивая... палка, и все. Она не танцует...

– А цепь танцует?

Павла огляделась в поисках своего «дипломата». Ах да, сегодня она взяла сумку... Потому что Митика...

Кович сидел напротив, на полу, скрестив ноги, поставив перед собой тарелку с бутербродами, роняя крошки в складки мятых брюк.

– Значит, «Девочка и вороны» – это цепь? А «Железные белки» всего лишь палка? А ты знаешь, что «Белки» в десять раз умнее... глубже... совершеннее? Что это не я придумал, это сотни умных людей...

– Ну и ладно, – сказала Павла устало. Минутное очарование от алкоголя прошло – она измоталась, не было сил ни спорить, ни думать, ни бояться, ей все сильнее хотелось спать.

– Кофе будешь? – спросил Кович шепотом.

Павла встрепенулась. Чашечка крепкого кофе была сейчас единственной силой, способной без потерь довести ее до дому.

– Павла... Ты знаешь, я ведь все это время в шоке. Со вчера...

Кович стоял теперь над столом – склонясь над включенным в розетку кофейником, будто желая помочь ему собственным теплом.

Он в шоке, подумала Павла, извлекая красную конфету из груды зеленых. Он в шоке, видите ли... Он, здоровый клыкастый саг, в шоке. А я ничего – вот, с Тританом познакомилась...

– Что мы можем изменить? – спросила она меланхолично.

Чайник наконец-то вскипел и забулькал; Кович достал откуда-то пару чашек и жестяную баночку кофе.

«Сколько я этой гадости сегодня выпила, – подумала Павла с отвращением. – Весь день кофе, кофе, кофе...»

Кович нашел в шкафу одну чайную ложку. Порылся в ящике стола и нашел другую.

– Павла... Скажи честно – как тебе это удается?

– Что? – спросила Павла после паузы. Она действительно не поняла.

Кович побарабанил пальцами по столу:

– Тебе везет? Да? Это просто везение, удача, тебе везет, а, Павла?..

«Случай ярко выраженного антивиктимного поведения», – сухо сказал в Павлиной голове чужой, смутно знакомый голос.

– Вообще-то, – сказала она, глядя в чашку, – мне везет обычно как утопленнику. То на масло сяду, то автобуса долго нет... А недавно вот крысы провода перегрызли...

Кович снова сел на пол – прямо перед Павлой:

– Ты понимаешь, ЧТО произошло? А, Павла?..

Павла помолчала. Хмыкнула, прогнусавила голосом противной дикторши:

– «Сон ее был глубок, и смерть пришла естественно!»

Воистину, короткое общение с Тританом пошло ей на пользу. Он стала свободнее обращаться с некоторыми понятиями.

Кович, впрочем, с Тританом не общался; он дернулся, как от удара:

– Ты не могла бы...

– Извините, – сказала Павла, испуганная собственным цинизмом. – Я не хотела, честно... Это... я тоже, понимаете, немножко не в себе...

– Мы с тобой оба ненормальные, – сказал Кович с горечью.

Некоторое время они думали каждый о своем – потом Кович поднял голову:

– Павла... А та машина, вчерашняя – тоже повезло?..

Павла смотрела на него непонимающе. При слове «машина» вспоминался лимузин, в который ее усадил сегодня Тритан... и еще почему-то тюбик помады в щели тротуара.

– Какая машина?

Глаза Ковича округлились; она почему-то испугалась:

– Да какая машина-то?..

Кович заговорил, медленно и четко, будто втолковывая роль непонятливой актрисе; по мере того как развивался его рассказ, из Павлиной головы выветривались и сегодняшний день,

и усталость, и остатки хмеля. Ладони взмокли – так, что их приходилось то и дело вытирать о колени.

– Вам показалось, – сказала она наконец.

Кович усмехнулся – довольно печально.

– Вам показалось, – пробормотала Павла почти сквозь слезы – и в этот момент вспомнила.

Да, был тюбик помады, который она выронила перед подъездом. Только он занимал в ту секунду ее мысли – только он; подобрать его казалось делом жизни, она не обратила внимания на порыв ветра, промелькнувший мимо силуэт...

Кович смотрел, как она вспоминает. С интересом смотрел – режиссеру всегда интересен процесс. Что происходит с человеком, как он меняется изнутри...

– Это случайно, – сказала Павла сама себе, а страх рос, вцеплялся в нее восемнадцатью когтями, повисал на ее душе, как кошка на гардине. – Это случайно. Машина... СПЕЦИАЛЬНО на человека? Чтобы СБИТЬ? Это же... бред. Так не бывает...

Кович пожал плечами.

– Ну, спасибо, что вы мне сказали, – пробормотала Павла в пол. – Хотя лучше бы я... Не знала, и ладно себе. Случайность...

– Случайность, – эхом отозвался Кович. – Как в Пещере. Трижды случайность... Я уж думал – может, это со МНОЙ не все в порядке?..

В дверь робко поскреблись; старушка с тряпкой заглянула – и испуганно закрыла дверь. Павла подумала, что старушка будет ждать и час и два – до утра будет ждать старушка, пока главный не наговорится, не освободит кабинет, предоставив бабушке почетное право собрать пыль, осевшую на мебель в процессе творчества...

Павла вздохнула. Кович сидел к ней боком, хмурый, какой-то жалкий, будто горный орел, который вообще-то могуч, но вот в данный конкретный момент устал и болен...

– Да вообще-то, – она улынулась, вдруг почувствовав превосходство своей осведомленности, – вообще-то бывают такие случаи... Антивиктимное поведение, чего проще. А потому не убивайтесь так...

В ее планы не входило рассказывать много – но она увлеклась. Кович слушал внимательно и напряженно; Павла рассказала о Доде Дарнеце, о противных датчиках и идиотских вопросах, и о Тритане рассказала тоже – разумеется, ресторан «Ночь» упомянут не был.

– Это что-то вроде социальной программы, и я у них – ценный экспонат, – улынулась она. – Странности есть, конечно, но в целом они очень интересные, симпатичные люди...

Рассуждая столь благосклонно, она имела в виду исключительно Тритана. Но Кович не мог этого знать.

– Ты им сказала? – негромко спросил Кович.

Павла помолчала. Переспросила осторожно:

– О чем?

Кович поднялся, опрокинув недопитую чашку кофе. Прошелся по кабинету, облокотился о письменный стол:

– О том, что мы встретились, они, надо полагать, знают. Ты говорила им о том, что мы друг друга УЗНАЛИ?

Павла молчала.

Под окном оживленно переговаривались – работники театра расползались после спектакля; кто-то засмеялся. Хлопнула дверь.

Собственно говоря, сегодня она не сказала Тритану о Ковиче. Возможно, зря. И потом, она ведь решила сказать в следующий раз...

Кович уловил ее колебание:

– Не говори. Не стоит, Павла. Послушай... умного человека. Ну зачем мне... зачем нам это надо?.. Кого это интересует, это наши личные, интимные дела... Ты ведь не рассказываешь всем подряд, с кем ты спишь?..

Павла спала с гномом, вышитым на одеяле, однако признаваться в этом Ковичу действительно не стала. Тот воспринял ее молчание как подтверждение собственным словам:

– Вот видишь... Сохрани... нашу скромную тайну. Сделай мне одолжение.

Павла молчала.

Ей не хотелось вступать в спор – но и давать обещаний не хотелось тоже.

– Я подумаю, – примирительно сказала она наконец. – Как обернется... Постараюсь.

Едва успев выйти из театра, она шарахнулась от скромной добродетельной машины, которая медленно шла по противоположной стороне улицы и абсолютно никого не трогала.

Глава третья

Сегодня Пещера жила особенно громко; белые уши сарны метались, перебирая ворох звуков, отделяя случайные от важных и простые от опасных. Она хотела – и боялась спуститься к водопою; целое стадо ее товарок не так давно встретилось там с парой голодных серых схрулей, и на какое-то время вода стала красной... Ненадолго. Течение уносит кровь, а жертвой пала всего одна, старая и больная, отягощенная годами особь, и схрули пировали над ее телом, а затем схватились за добычу с барбаком, явившимся на пир без приглашения... Звуки и отзвуки рассказали сарне, какой короткой и жестокой была схватка, как сытые схрули отступили наконец, но барбак не удовлетворился падалью – отогнав схрулей, ринулся по горячим следам уходящего стада сарн...

Она хочет жить. И она будет жить долго; она бредет переходами Пещеры, где за каждым камнем прячется смерть. А маленький зверь несет свою жизнь, как свечку, и все силы уходят на то, чтобы сохранить, спрятать от ветра ее слабый и горячий огонек.

Посреди широкого тоннеля, круто спускающегося вниз, сарна остановилась. Совсем рядом было чужое дыхание, быстрое, принадлежащее мелкому существу; совсем рядом было царапанье коготков о камень, шелест раздвигаемого мха, треск обрываемых лишайников...

У волглой стенки стоял на задних лапах тхоль – молодой и жадный, желтоватая шкура его казалась в полумраке коричневой. Тхоль искал в зарослях мха личинки скальных червей, находил, вылавливал и ел; появление сарны заставило его на секунду отвлечься от занятия, но не более. Тхоль был голоден.

Глядя на него, сарна тоже вспомнила о голоде; мох, в котором мелкий зверь ловил своих личинок, вполне годился в пищу. Свежий мох утоляет и жажду, а ведь ей смертельно хочется пить...

Она шагнула вперед, уже ощущая на языке терпкий вкус зелени, но не забывая напрягать круглые раковины-уши; среди отзвуков-нитей, среди скрипа, шелеста и дыхания, издаваемых тхолем, сквозь брачное пение далекого и безопасного барбака пробился вдруг едва уловимый, едва ощутимый...

Ее высоким ногам подвластны были самые длинные, самые головокружительные прыжки. Уши и ноги – да разве зеленому схрулю, подростку-схрулю, охотиться за такой дичью?!

А охотник-схруль и вправду был подростком. Очень молодым, неопытным, неумелым хищником, и на сарну ему было плевать. На первый раз ему вполне хватило тхоля.

Не подкрепленный ни опытом ни навыками, инстинкт хищника все равно оставался смертельным оружием. Куда более сильным, нежели неокрепшие зубы и маленькие когти; тхоль, чья трапеза оказалась последней радостью жизни, заверещал.

Сарна готова была сорваться с места и бежать, но ее инстинкт, проверенный инстинкт жертвы, сказал ей, что опасности нет. Нет, пока она не понесется сломя голову, побежит коридорами, где только звон копыт и некогда выслушивать опасность; тогда, бегущая, она будет уязвима...

Она осталась стоять.

Последний крик тхоля длился недолго; подросток-схруль, размерами сравнимый со своей мелкой жертвой, намертво сомкнул зубы на кричащем горле. Звук оборвался; теперь сарна слышала потревоженную Пещеру. Ярусом ниже брачевались похотливые барбаки; крик умирающего тхоля не помешал им. Далеко-далеко стадо сарн оставило щипать мох и подняло головы, желая понять, откуда звучит чужая смерть; неподалеку другой тхоль, равнодушный к судьбе собрата, все так же беззаботно вылавливал и ел личинки скальных червей...

Сарна слышала, как дышит схруль. Сбивчиво, горячо; кровь тхоля растекается почти беззвучно – слишком мало ее, крови, в тщедушном тельце...

Она повернулась и двинулась прочь. Ее уши не ослабляли напряженного ожидания – смерть миновала ее, забрав другую жизнь, и перед лицом чужой гибели сарна не испытывала ничего, кроме желания снова выжить.

* * *

...Выходные прошли совершенно по-весеннему, уютно и солнечно, город цвел всеми своими клумбами, садами и парками, и Павла совершенно уверилась, что все странное и неприятное в ее жизни осталось далеко позади.

Любой телефонный звонок заставлял ее сердце пропускать один удар – сама себе не признаваясь, она ждала звонка от Тритана. Не рабочего – просто приятельского звонка.

Миновала суббота, Тритан не позвонил; Павла вздохнула и позволила Стефане вытащить себя на воскресную прогулку в зоопарк.

Все шло великолепно, пока Митика не плюнул в верблюда – кто бы мог подумать, что пятилетний малыш умеет так прицельно и мощно извергать слюну. Верблюд, по счастью, оказался куда умнее и воспитаннее, а потому на оскорбление ответил одним лишь удивленным взглядом... Воспитательные усилия Стефаны пропали втуне; через пятнадцать минут Митика, усаженный на крохотную лошадку, дернул ее за ухо и тем сорвал катание. В любой другой день Павла разозлилась бы – но не сегодня; она пребывала в восхитительном равнодушии, и потому все досадные неприятности виделись ей именно тем, чем и были, а именно: дурацкими и незначительными мелочами.

Город цвел. Город разливался праздничными толпами. В теплых сумерках Павла вышла прогуляться, выбирая любимые безлюдные переулки, особенно обаятельные в свете луны. Вдоволь насладившись одиночеством и запахом сирени, она, по обыкновению, потеряла кошелек – какому-то случайному прохожему пришлось бежать за ней целый квартал: «Девушка! Эй, девушка, ну что вы за растяпа!..»

Павла рассеянно отблагодарила парня, вручив ему одинокий раскрывшийся тюльпан.

Миновало воскресенье – Тритан не позвонил; в понедельник весна съежилась, и начался дождь.

А вместе с дождем начались странности.

Утром, уже у входной двери, Стефана содрала с Павлы ее любимую легкую курточку и всучила теплую – желтую, осеннюю и унылую. У Павлы не было возможности протестовать – любое возражение только затягивало заранее проигранный спор. Стефана собственноручно проследила, чтобы проездной и монеты из карманов любимой курточки перекочевали в карманы нелюбимой, и только потом выпустила Павлу, которая, конечно же, опоздала на работу.

Раздолбеж не упрекнул ее ни взглядом.

– Как? – спросила секретарша Лора, когда Павла с рассеянным видом вернулась в приемную.

– С руки ест, – сообщила Павла и вышла, оставив секретаршу в благоговейном недоумении.

В фильмотеке уже починили испорченную крысами систему, и старушка фильмотекарша переписала для Павлы заказанный материал; дождь за окном лил не переставая. Снимая с вешалки желтую осеннюю курточку, Павла оценила предусмотрительность Стефаны.

Руки ее привычно ушли в карманы; каблук процокали по коридору – и в нерешительности остановились.

Что-то было не так.

Первая, самая естественная мысль была – что куртка чужая. Очень похожая на Павлину – она взяла ее по ошибке, надо скорее поменять...

Но ее руки уже нащупали в карманах кошелек с привычным брелоком, магнитную карточку для метро и смятый ворох ненужных бумажек. Она поднесла их к глазам – точно, вот чек из магазина, вот старая записка Лоры, вот бумажный кораблик Митики...

Павла стояла посреди коридора, и вид у нее был, наверное, глупый.

Вторая, самая чудовищная мысль – что она, Павла, уменьшается. Некое злое колдовство причиной тому, что она стала стремительно расти обратно и скоро делается размером с младенца... Именно потому ее старая, чуть тесноватая куртка сделалась теперь огромной, размера на три больше, именно поэтому она висит на своей хозяйке будто на огородном пугале.

Павла вернулась к вешалке. Убедилась, что другой желтой куртки на крючках нет; вспомнила каверзы Митики – и с раздражением отбросила эту мысль. Пятилетний мальчуган, проникающий в здание телевидения, чтобы мистифицировать рассеянную тетюшку...

Мимо протопали две знакомые девчонки из административного отдела:

– Привет, Павла... Ты чего?

– Ничего, – отозвалась она сухо. – Трамвая жду.

Девчонки, наверное, обиделись.

Добравшись до самого большого окна, она разложила куртку на подоконнике. На правом рукаве имелось застиранное пятно – давным-давно Павла влезла локтем в пирожное. Вторая снизу кнопка чуть проржавела. Подкладка в карманах была подшита коричневыми нитками; с каждой новой деталью, такой знакомой и такой красноречивой, лицо Павлы делалось все глупее и глупее.

Дождь за окном чуть угомонился; рядами стояли яркие машины с надписью «Телевидение», и к одной из них шествовал оператор Сава, а за ним ассистент с осторожностью тащил зачехленную камеру.

Павла осмотрела себя. Джинсы – вот они, больше не стали. Свитер... туфли, в конце концов...

Она проследовала в туалет и посмотрела на себя в зеркало. На всякий случай попробовала дотянуться до выключателя; сознание, что она по крайней мере не уменьшается в росте, неожиданно ее успокоило. Странная куртка вернулась на вешалку – в конце концов, до фильмотеки два квартала, Павла доберется и так...

И она погрузилась в повседневную суету с несколько преувеличенным рвением – если проблема неразрешима, то о ней лучше забыть. Телевизионная жизнь Павлы, по обыкновению, была переполнена событиями и эмоциями, маленькое происшествие с успехом было вытеснено из мыслей и из памяти, однако вечером Павле потребовалось немало мужества, чтобы подойти к вешалке.

Чего она ждала от своей куртки? Что та всплеснет рукавами и скажет: «Ах Павла, что же ты так долго?..»

Куртка была на месте. Совершенно прежняя – обычного Павлиного размера.

На другой день, рано утром, зазвонил телефон; рассеянная Павла не поспешила к трубке.

Поспешил Митика.

Коммуникабельное дитя, чьи родители спешно заканчивали завтрак, а тетка замешкалась в своей комнате, это самое дитя подскочило к телефону, и уже через мгновение Павла слышала степенный разговор:

– Да! Здравствуйте! Нет! А, она женилась и переехала... Ну, вышла замуж, да... Пока пока!

Павла пулей вылетела из комнаты; трубка уже лежала на рычаге, Митика, довольный, улыбался:

– А я дядю надурил! Я сказал, что ты женилась на директоре цирка и теперь у вас в доме живет настоящий слон!..

Не говоря ни слова, Павла вцепилась стервецу в ухо.

На визг выскочили из кухни Стефана и Влай; разборка случилась короткая, но громкая и красочная. Павла отправилась на работу с опухшими глазами и подтекшей тушью; на автобусной остановке у самого здания телецентра ее окликнули:

– Девушка! Любезная девушка!

Вздвигнув – хотя чего, собственно, вздрагивать, – она обернулась.

Парень был совершенно незнакомый – лет двадцати, обаятельный, с иголки одетый, тщательно причесанный; в опущенной руке он держал большой футляр от трубы, и Павла механически подумала, что парень – студент консерватории.

– Девушка, милая, вы не хотите приобрести змею?

Павла не успела моргнуть глазом – парень открыл футляр и вытащил на свет небольшую, скверного вида змейку с треугольной головой, раздвоенным языком и цепенящим, липким взглядом мутных глаз. Павла невольно отшатнулась.

– Замечательная змея, – сказал парень голосом бывалого торговца, ежедневно реализующего по три десятка змей. – Главное, очень ядовитая... Возьмите в руки. За голову, видите, вот так!..

– Это гадюка? – спросила Павла, отступая.

Парень от души возмутился:

– Что вы! Гадюку я не стал бы... Это очень редкая, дорогая змея, украшение серпентария, одним укусом заваливает слона...

– У меня нет денег, – сказала Павла, довольная, что нашла отговорку.

– Я отдаю за бесценок. – Парень ясно, мило, совсем по-мальчишески улыбнулся. – Буквально очень дешево отдаю. Посмотрите, какая змея!..

Змеиная морда оказалась у самого Павлиного лица. И морда была преотвратная; змея не просто умела завалить слона одним укусом – ей явно уже приходилось это делать и хотелось сделать еще.

– Мне не надо. – Отступая, Павла уперлась спиной в пластиковую стенку остановки. – Мне не надо змеи, я на работу опаздываю...

Она попыталась обойти назойливого юношу – однако тот, улыбаясь, загородил ей дорогу. Змеиное тело, черно-зеленое, с отвратительным блеском, свисало из его кулака, как живой упругий пояс.

– Девушка, милая... Вам повезло. Вы потом будете локти кусать, это последняя змея из последней партии, это редкость, совсем задешево, ну вот возьмите, подержите в руках, вам ведь отдавать не захочется, только возьмите в руки!..

Подтверждая его слова, змея заизвивалась активнее и зашипела.

«Почему я до сих пор тут стою? – подумала Павла беспомощно. – Дурацкий какой-то розыгрыш... А может быть, купить? Митике в подарок?..»

Возможно, кровожадная мысль отразилась у нее на лице – змееторговец снова заулыбался:

– У вас дома есть аквариум? Нет? Подойдет большая кастрюля с крышкой... Берите-берите!..

Змея опять разразилась леденящим душу шипом; Павла спрятала руки за спину.

Почему она стоит и слушает эти бредни?! На работу... Раздолбеж...

– Молодой человек, эта змея продается?

Рядом с Павлой невесть откуда взялась средних лет дама в широкополой шляпе; глаза ее горели, будто она сама не могла поверить своему счастью:

– Позвольте? Позвольте взглянуть?..

Молодой человек охотно протянул ей змею – а Павлу уже оттеснял в сторону пожилой мужчина в очках, с седоватой докторской бородкой:

– Это змея? Она продается?.. Разрешите?

– Вот видите, – укоризненно сказал змееносец Павле. – А вы не хотели... Решайте – ваше право первого покупателя, но если вы скажете «нет»...

– Я готов доплатить, – быстро сказал бородатый. Дама уже бесстрашно вертела змею в руках.

Да она же игрушечная, подумала Павла с облегчением. Вот парнишка, настоящий клоун, она же механическая, как он меня купил...

И, рассмеявшись, ухватила гадину за упругий хвост.

Прикосновение живой холодной чешуи разом вышибло у нее из головы все мысли. И разумные, и не очень.

* * *

Человек, утонувший в мягком кожаном кресле, нажал на «стоп». Обернулся к серому окошку дисплея, где бежали, пульсировали два изломанных графика – в правой части черный, в левой – красный. Человек положил руку на клавиатуру – графики совместились; некоторое время он мрачно следил за их танцем – завораживающим, как пламя. Как прибор.

– Маловато данных, – разочарованно сказал лаборант за его плечом.

– Хватит, – уронил человек в кресле. Перемотал пленку, снова нажал на «пуск».

«Замечательная змея. Главное, очень ядовитая... Возьмите в руки. За голову, видите, вот так!..» – «Это гадюка?» – «Что вы! Гадюку я не стал бы... Это очень редкая, дорогая змея, украшение серпентария, одним укусом заваливает слона...» – «У меня нет денег...»

Камера дернулась, растерянное лицо девушки скользнуло в сторону – и снова вернулось в кадр. Наблюдатель видел его в мельчайших деталях – движение ресниц, движение зрачков, секундное сжатие пересохших губ.

«Я отдаю за бесценно... Буквально очень дешево отдаю. Посмотрите, какая змея!..» – «Мне не надо... Мне не надо змеи...»

– Невыразительно работаешь, – вздохнул наблюдатель, останавливая запись. – Пресно.

Он поднялся, рассеянно стянул с себя белый короткий халат – под ним оказалась коричневая замшевая рубашка.

Лаборант, молодой парень в щегольском костюме, оскорбился:

– Берите профессиональных актеров... А данных мало, потому что датчики пора вживлять...

– Поучи меня, – беззлобно отозвался человек в замше.

Лаборант подобрался и чуть отступил; его собеседник прошел к телефону.

– Алло... – На том конце провода его улыбки не видели, но все обаяние ее отразилось в голосе, низким, как рык. – Добрый день... Позвольте госпожу Нимробец.

Разговор занял минут пять, потом лаборант ушел, а человек в замше остался. Сцепил пальцы, опустил на них тонкое смуглое лицо и устало перевел дыхание.

(...За час до рассвета он вышел будто бы на охоту; он не умел и не любил охотиться, но для отдаленных одиноких прогулок не было повода естественней и лучше. Северные склоны ненавистных ему гор покрыты были подобием леса – жестким, колючим, скорее коричневым, нежели зеленым; до условленного места, вершины с белым камнем, было три часа ходу.

Он никого не встретил.

На вершине он сел и огляделся – лес не добирался сюда, белый камень казался одиноким бельмом на лысой голове великана. Бродяга достал из охотничьей сумки манок-идентификатор – губку с едким, специфическим запахом.

Еще два часа ушло на ожидание. Ненавистное ему солнце подбиралось к зениту, когда из глубины белесого неба явилась серая кривоклювая птица с оранжевой капсулой на правой ноге.

Он накормил гонца собственным бутербродом. И только потом, закусив губу, вскрыл капсулу.

Знак был один, знак сиротливо чернел посреди большого белого листа, знак означал отказ, уход, почти что бегство.

Собственно, чего-то подобного он ожидал. У него было скверное предчувствие; либо его работой недовольны, либо люди, пославшие кривоклювую птицу, наверняка знают то, что он, бродяга, пока лишь смутно ощущает.

Люди, пославшие птицу, знают правду об угрожающей ему смертельной опасности.

Он сидел на вершине под белым камнем, и палящие лучи полуденного солнца обливали его морозом. Наверное, он совершил ошибку – а какую, ему скажут потом...

Если он доживет.

Стоило ли возвращаться в поселок? Он не стал бы, если бы не знал наверняка, что без снаряжения и припасов ему ни за что не пройти через горы, не перейти долину, не добраться к хозяевам кривоклювой птицы.

А потому, когда собственная тень перестала прятаться под ногами и осмелилась отползти чуть дальше по камням, тогда он поднялся и заспешил вниз.

...запах дыма.

Скверный запах. Не от костра, не от очага – страшный запах горящего человеческого жилища.

Бродяга остановился всего на мгновение.

Был ли у него выбор?..

Собственно, теперь это не имело значения. Потому что он понял, чей именно дом обращается сейчас в груды головешек.

Но понять, куда бегут со всего поселка люди, и что за шум на площади, и что за крики, у него не хватило мужества.

Он уже бежал.

Посреди площади, на свободном от людей пяточке, множество рук поднимали и ставили на ребро огромный железный обод. Внутри обода растянута была за руки и за ноги нагой человек, из живота у него торчало острие оси, но он еще был жив.

– ...Кати! Давай! Кати! Оттудик! Оттудик! Пещерная змея!

Колесо покатило – тяжело, волоча за собой кровавую дорожку, подрагивая на булыжниках мостовой, то и дело грозя опрокинуться, но множество рук успевали подхватить его, подтолкнуть и выпрямить.

Человек на колесе умирал. Возможно, смерть его затянется, и, когда колесо, прокатив по улицам, толкнут наконец с обрыва в пропасть, возможно, он успеет ощутить облегчение...

Его схватили за рукав:

– ...девчонка?

Он смотрел, не понимая.

– Танки, где девчонка? Мы нашли оттудика, мы давно к нему приглядывались, где девчонка, ты не видел?

Он перевел взгляд с красного, возбужденного лица перед собой на колесо, которое уже выкатывали к площади.

Собственно, что он мог сделать ТЕПЕРЬ?..

...Они нашли источник. Махи нашла. У нее был талант отыскивать воду.

Звенели цикады.

Весь мир состоял из цикад. Весь мир замкнут был в кольцо гор – далеких, синих, и близких, красно-желтых, и белых, покрытых песком, который так мерзко скрипит на зубах...

– ...и я давно уже догадалась. Почти сразу.

Он тряхнул головой, прогоняя оцепенение:

– Я прослушал... О чем ты догадалась?

– Что это ты человек ОТТУДА. Правда?

Высоко в небе – или глубоко в небе? – черной точкой висела хищная птица.

– Что же из этого? – спросил он тупо.

Махи молчала.

– Что же из этого? – переспросил он почти вызывающе.

– А они думали, – Махи криво усмехнулась, – что это мой папа... оттудик...

– Я не мог спасти твоего папу, – сказал он, глядя в песок. – Не успел. Не знал...

– Они казнили оттудика... – проговорила Махи, и плечи ее странно приподнялись. – Они думают... а на самом деле...

– Но я же не мог спасти!..

Оба замолчали.

У обоих в недавнем прошлом была ночь, когда колесо с распятым на нем человеком сорвалось с обрыва. Когда по всем улицам деловито сновали мальчишки и, встретившись, спрашивали друг у друга: «Махи не видел?» Когда уже готово было другое, маленькое колесо, когда улицу, где дымились остатки дома, прочесывали и обыскивали соседи, и утомились, так никого и не отыскав, и ушли до утра, а он стоял перед дымящимися развалинами уже в отчаянии, но все равно знал, что переберет пепелище по досточке, по кирпичу, но либо отыщет девочку, живую или мертвую, либо точно будет знать, что ее здесь нет... Когда, после долгих и безнадежных усилий, он скорее угадал, нежели услышал ее присутствие и достал из железной бочки около забора ее обмякшее...

– А почему ты не говоришь, что меня спас? – спросила Махи, вода сухой травинкой по кромке нижней губы.

– Почему? – переспросил он тупо.

– Ну, ты мог бы сказать... оправдаться... что ты меня спас... раз уж так вышло, что должны были тебя убить, а убили папу...

– Почему я должен оправдываться?

...Тяжелое тело, проворачивающееся вокруг торчащей из живота оси...

– А правда, – спросила Махи, не поднимая головы, – что оттудиков присылают к нам, чтобы они отравляли колодцы?

– Разве я отравил хоть один колодец? – спросил он устало.

– Откуда мне знать? – Махи вздохнула. – Зачем они, эти оттудики, вообще тогда нужны?

– Давай поспим. – Он пристроил под голову рваную сумку. – Сейчас выспимся – ночью пойдем...

– Ночью... – сказала Махи испуганно. – Здесь, в горах... Ночью...

– Не бойся, – сказал он неуверенно.

Песок на солнце казался огненно-белым. Тень, в которой укрылись путники, казалась черной как ночь.

– Мы все равно не дойдем, – сказала Махи равнодушно. – Здесь посты... здесь щели, горные княжества, облавы на бродяг, на чужаков и на оттудиков... Танки, а правда, что ТАМ хорошо?

– Да, – сказал он не задумываясь. – Там очень хорошо, Махи. Там люди не убивают людей...

– Почему же ты пришел СЮДА?

Он не ответил.

– Может быть, ты не хотел сюда идти? – продолжала допытываться девочка. – Может быть, тебя послали?

– Кто же мог меня против моей воли послать?

Махи удивилась:

– Разве некому?

Тень передвинулась; бродяга подтянул сумку на новое место и снова лег, вытянув ноги.

– Танки... Это твое настоящее имя?

– Почти.

– А сколько тебе лет, Танки?

Он молчал.

– Ну, восемнадцать есть хотя бы? – Она была очень серьезна, как будто от ответа на этот вопрос зависело нечто важное.

– Мы дойдем, – сказал он сквозь зубы.

Махи вздохнула – устало, по-взрослому.

Гремели цикады. По склону далекой горы пылила еле различимая отсюда повозка; бродяга поднялся на локте. Всмотрелся, прищурив глаза.

– Они не думали, что отгудики бывают такими молодыми, – сказала Махи, глядя вдаль. – Иначе они подумали бы на тебя... И не трогали бы моего папу.

Бродяга молчал.)

* * *

Павла возвращалась в сумерках.

Шла, низко опустив голову, покачивая тяжелым «дипломатом»; уже в который раз за прошедшие несколько дней она ощущала себя сбитой с толку. Вроде бы и ждала звонка – а вот теперь и сама не рада, потому что ее встреча с Тританом произойдет не в ресторанчике «Ночь», а в очередном кабинете с хромом и никелем, с зубоврачебными креслами, сенсорами и прочей ерундой...

Носились туда-сюда разноцветные машины; Павла с удивлением осознала, что идет по самой дальней от них траектории – по кромке газона и тротуара. И шкурой чувствует, когда кто-то из беспечных водителей превышает скорость.

Странно.

С того самого момента, как Кович рассказал ей про некую серую машину, якобы желавшую ее крови, Павлу не оставляет чувство, что над ней постоянно издеваются.

Вот и теперь...

Она вздрогнула и оторвала глаза от асфальта.

Посреди тротуара стояла дверь в добротной раме. Распахнутая настежь, обитая дерматином дверь; медная табличка так и гласила: «Открыто». Павла замедлила шаг.

Мимо двери ходили люди. Кто-то останавливался, удивленный, кто-то скользил равнодушным взглядом, кто-то вообще не замечал; какая-то старушка перешла на противоположную сторону улицы, а пара мальчишек-подростков горделиво прошествовали прямо сквозь дверь туда-сюда. Потом развлечение им надоело; они поспешили прочь и, вероятно, тут же забыли о странностях городского дизайна.

Павла остановилась.

Никто из прохожих не принимал нелепую дверь так уж близко к сердцу; Павла чувствовала себя тоскливым отщепенцем. Будто чья-то невинная выходка – еще одно звено в мутной цепи дурацких совпадений.

Возможно, у нее мания величия, но она почему-то уверена, что именно ради нее, непутевой Павлы Нимробец, стоит посреди тротуара эта добротная дверь с табличкой «Открыто». Стоит и пугает ее до дрожи. Совершенно невинная дверь.

«Открыто»...

Павла стиснула зубы. Хотела обойти дверь стороной, но передумала, злобно фыркнула, подошла и захлопнула обитую дерматином створку – с грохотом, как после скандала. Вот, оказывается, что называется «стукнуть дверью»...

Удивленно обернулись прохожие. Обернулись, пожали плечами, пошли по своим делам.

* * *

Раман прекрасно знал, чем обернется для него подписание этого приказа. И даже желал этого – бури, скандала. Пусть напишут в газету. Пусть пожалуются в управление. Пусть голодовку устроят, на худой конец...

И поначалу события так и развивались – к скандалу; слух об увольнении сразу пятерых актеров пронесся по театру, как пожар, и Кович не без удовольствия наблюдал возбужденную, бешено жестикулирующую группу курильщиков на скамейке у служебного входа.

Потом пришла делегация – представители актерского цеха, всего четверо. Стареющая примадонна, когда-то дружившая с его бывшей женой. Молодой и перспективный парень – вот дурак, он-то зачем втравился?.. Ведущий актер театра, издавна бывший с Раманом в натянутых отношениях, возглавлявший оппозицию – если эту хилую горстку недовольных можно назвать оппозицией... И еще один, добросовестный служака вторых ролей и эпизодов – Раман его втайне уважал. Может быть, потому, что тот совсем не боялся главрежа. Никогда.

Все они пришли и сели на мягкую скамеечку, как ученики; собственно, именно за этим Раман и держал скамеечку. Примадонна нервничала; молодой парень сверкал глазами – он по молодости лет путал сцену с жизнью, и потому сам себе виделся эдаким бескомпромиссным героем, борцом за справедливость; еще пригрозит, чего доброго, в знак протеста покинуть труппу...

Разговора не получилось.

То есть сперва все шло как по пьесе – ведущий актер долго и логично говорил о лучших годах, которые лучшие люди отдали лучшему театру, и в ответ получили от лучшего театра горькое под зад коленкой; примадонна скорбно кивала, а парень сопел и молча рвался в бой. И вырвался, и понес-понес околесицу, щедро приправленную словами «предательство», «несправедливость», «произвол». Раман слушал, прищурившись, и видел, как округляются глаза у прочих делегатов – они давно уже не рады были, что допустили в свои ряды глупую молодежь.

«Хороший был парень, – с сожалением подумал Раман. – Хороший вырос бы актер, мастеровитый, сильный...»

– Что вы имеете в виду под «произволом», Гришко?

Парень осекся. Свел брови:

– Если люди, всю жизнь отдавшие театру...

– Что вы имеете в виду под «произволом»?

– Да они были тут... тридцать лет назад!.. Сорок... Когда ни нас тут еще не было, ни...

Все-таки и глупости бывает предел; парень осекся. Хотя, может быть, это актер на эпизодах ткнул его чем-нибудь в спину...

– ...ни меня, вы хотите сказать, Гришко? Не было ни вас, ни меня?

Парень молчал, и прочие трое молчали тоже. Молчала, поджав губы, примадонна. Молчал глава оппозиции, ведущий актер театра, любимец публики... Молчал, а ведь мог бы ска-

зять!.. И даже актер на выходах молчал тоже. Потому что понимал, что слова его бесполезны... И Раман вдруг ясно понял, что скандала не будет. Выдохся скандал.

«Ну неужели я такое чудовище? – подумал он равнодушно. – Ну неужели я всех их так запугал? Прямо культовая фигура получается – Раман Кович в жестком кресле худрука...»

– Не понимаю, что за трагедия? – Он откинулся на спинку. – Должное уважение, безусловно, мы проявим, устроим торжественные проводы...

– Похороны, – вполголоса сказал актер на выходах.

Раман счел возможным не услышать:

– ...Груз лет, заслуженный отдых, добротная пенсия и на покое – подобающий почет?

– Это забвение, – тихо сказала примадонна, и глаза ее блеснули холодно и гневно. – Вы прекрасно понимаете. Кроме «добротной пенсии», есть ведь еще... их можно было бы оставить на разовых... на выходах... и люди чувствовали бы себя нужными. Но, как я понимаю, мы напрасно сегодня пришли...

– Не напрасно. – Раман вздохнул. – Я, по крайней мере, получил представление о... Гришко, может ли ваша совесть позволить вам работать в труппе, где царят «произвол», «несправедливость» и даже «предательство»?

Повисло молчание. Парень набрал в грудь побольше воздуха:

– Я хотел сказать...

– В согласии со своей совестью вам следует, Гришко, немедленно попросить меня об увольнении. И поверьте, я удовлетворю вашу просьбу... Это все, господа?

Они по-прежнему молчали.

Парень осознал полученный урок, примадонна ругала себя за потраченное время, ведущий актер раздумывал о собственной судьбе, потому что сегодняшний любимец публики завтра будет забыт ею, критики осудят его за малейший промах, а главный режиссер дважды и трижды повторит перед телекамерой, что в его театре не звезды главенствуют, а ансамбль, атмосфера...

И только актер на выходах не боялся и не жалел. Он просто ясно понимал всю бесполезность происходящего.

«А кто он в Пещере?» – неожиданно для себя подумал Раман. И покрылся потом от одной этой мысли.

Четыре разных человека... Примадонна, конечно, хищница. Мелкая, возможно, из желтых схрулей; многие актеры, скорее всего, хищники, но вот режиссеры – хищные ВСЕ...

Он подивился своим мыслям и испугался их.

Через час после ухода делегации о встрече попросил один из увольняемых – старый актер, чей взлет и успех совпали с Рамановым сопливым отрочеством. Теперь это был очень пожилой, очень нездоровый, ссохшийся, как вобла, человек – с редющей гривой седых волос, глубоко ввалившимися глазами и невообразимо длинными, желтыми от никотина, нервными пальцами.

Раман испугался этого визита. По-настоящему струсил – и даже хотел отказать старику в приеме, но вовремя одумался. Приветливо шагнул навстречу, предложил кофе, подsunул пачку сигарет; он ждал и боялся упреков и жалоб – но ошибся и здесь. Жалоб не было.

Старик просто курил, глядел на Рамана и молчал; Раман сделал вид, что не замечает боли, сидящей на дне прищуренных старческих глаз. Раман знал, что не позже чем через год-два ему придется говорить речь над гробом этого человека, и вот тогда придется припомнить этот день и этот взгляд. Раман прекрасно знал это, но изменять однажды принятое решение было не в его правилах. Тем более что решение в принципе верное.

Старик докурил, извинился и ушел; Раман остался сидеть, уставившись в громоздкую, на полстола, коробку, где пребывало в миниатюре свежее и смелое, вчера только одобренное сценографическое решение нового спектакля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.